

Евсений
МЕДВЕДЕВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ЕГО ВОРОВКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

украду

ТВОЮ ЛЮБОВЬ

18+

Евсения Медведева

Его воровка. Я украду твою любовь

<https://litres.ru/73984549>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Девушка – домушница? Звучит эротично, — хрипло рассмеялся тот, кто ещё недавно был моим заданием. Но теперь я в наручниках в его доме, запертая в комнате без окон. — Так кто ты?

— Порочная домработница из твоих снов, — огрызнулась, наивно полагая, что из его сильных рук можно вырваться. — Пипидастр под комбинезоном. Показать?

— Ответ неверный, хотя многообещающий — здоровяк вдруг схватил меня за волосы, отдернул голову назад и медленно провёл носом по скуле, разрывая вдребезги моё личное пространство. — Ты даже не представляешь, мышка, в чей дом вломилась. Знаешь, что я делаю с симпатичными воришками?

— И что?

— Скоро узнаешь. А пока отработаешь свой косяк

Моё последнее задание обернулось полным провалом!

Я просто должна была выкрасть компромат из дома какого-то богатого здоровяка, а в итоге оказалась его пленницей!

Вот только он не планирует меня отпускать Ему нравится ощущать себя моим новым хозяином! Или за этим таится нечто другое?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	89
Глава 14	96
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Евсения Медведева

Его воровка. Я украду твою любовь

Пролог

— Думала, я тебя не найду? — тень мужчины, что воплощал в себе кошмар всей моей жизни и самую большую любовь, скользила по стенам. — Нашёл... Потому что люблю! Люблю так, что готов убить!

И вдруг тень материализовалась, он выплыл из темноты, утыкаясь дулом пистолета мне в затылок. Я перестала дышать, перестала думать, жить, я просто смотрела на дверь, впервые рассчитывая на кого-то кроме себя.

— Ты же была такой послушной девочкой, Кристина. Всё, что от тебя требовалось — найти и выкрасть документы у Савина! Так что же случилось, Кристина? Что?

Я не могла его видеть, ощущала движение, шорох, скольжение кожаного ремня по моим обнаженным плечам, а ещё смертельный упор холодного дула в затылок. Но ствол не так пугал... Это быстрое избавление, а вот ремень...

В голове слышались до боли знакомые фантомные щелчки.

— Что случилось с моей милой послушной кошечкой? Где та испуганная девчонка, боготворившая меня? Почему вместо преданности в твоих глазах я вижу ненависть? — сухая ладонь легла на мою шею, пальцы в привычном жесте расположились на вибрирующей артерии и слегла надавили. — А мне это не нравится, Киса.

Он всегда так делал... Показывал, что моё тело, душа и жизнь полностью подчинены его воле!

А всё началось ещё там... В далёком детстве, когда маленькая девочка оказалась ненужной, лишней и переданной в руки бездушной государственной системе.

Помню желтые стены интерната, крошечную комнату на три кровати, коричневое пятно в углу над окном и разошедшуюся раму со скрипучей форточкой...

А ещё помню старый актовый зал, какой-то нелепый стихийный праздник, сцену, дурацкую песню, которую нас заставили учить с самого утра. И вот мы, потерянные, смущенные дети, выступаем перед какой-то важной городской комиссией. Так и вижу заискивающего заведующего по воспитательной работе и стол с высоченной горкой мандаринов... Боже, как они пахли!

Мы смотрели только на это оранжевое пятно, и ради этого мы были готовы вновь и вновь петь эту дурацкую радостную песню. Мы старались не замечать сытых лиц, наблюдающих за нами, как за незрелыми цыплятами. Не обращали внимания на их липкие сальные взгляды и шепотки, суету дирек-

тора.

Но среди этой безликой толпы был тот, кого невозможно пропустить. Он выделялся на фоне пузатых и неряшливых чиновников, вальяжно сидел на стуле, широко раскинув ноги. Высокий, плечистый, густые чёрные волосы на висках подёрнуты серебром проседи. Привлекательный, но от него по коже рассыпались мураши страха...

Он довольно улыбался, вот только это больше было похоже на оскал. Животный, яростный, голодный... Его крошечные глубоко посаженные глаза пламенем свечи скользили по моим ногам. Не смотрела, не пересекалась взглядами, но от этого гадкого ощущения было невозможно избавиться.

А после появился ликующий директор, и его красное лицо я запомню навсегда.

— Кристина, пришла твоя очередь! — Денис Львович потряс меня за плечо, нагнулся и с жаром зашептал: — Подумай, девочка... Тебе выпускаться через полгода, а что дальше? ПТУ? Общежитие? Случайная и нежеланная беременность от бывшего зека? А он тебе купит новую жизнь...

— Денис Львович, вы о чем? — я вздрогнула от ползущего холодного взгляда. Он был рядом... Я его чувствовала всем телом!

— Ты же понимаешь, что у тебя нет выбора? — директор недовольно поджал губы, но тут же исправился, когда за спиной зазвучали тяжёлые шаги. — О будущем думай, девочка. Куда ты пойдёшь? Ни родителей, ни родных, ни друзей. Кто

тебе поможет? Кто?

Голос Дениса Львовича пропитался слащавым и лживым сочувствием...

Как же чертовски приятно сочувствовать сиротке, перебирая хрустящие купюры в кармане брюк. Вроде и благодетель, и с выгодой.

Директор требовал ответа, нервно топал ботинком, а по мере приближения незнакомца этот стук становился быстрее и быстрее... Но я молчала.

В голове крутилась только одна мысль: «Беги».

Но куда?

Он уже выбрал меня... Как куклу на прилавке! Как товар с истекающим сроком годности, а после – утилизация.

Тот мужчина стоял всего в паре шагов... Вальяжно подпирал облупившуюся стенку, внимательно следя за нашим разговором. А ещё он улыбался, но в этой улыбке не было ничего человеческого.

— Кристина, — директор наклонился ещё ближе. — Ты же не хочешь остаться ни с чем?

Они словно решали мою судьбу... Торговались, переглядывались, а я как дура пялилась на эти гребаные мандарины! Яркие, сочные, хранившие аромат праздника.

И тогда я впервые поняла: за всё в этой жизни нужно платить...

И, кажется, расплата пришла именно сейчас! По коже гулял мороз, искала внутренний страх, но проблема в том, что

я уже почти через все прошла. И бояться мне нечего...

Меня встряхнули, выбрасывая из воспоминаний прошлого, а над ухом захрипел до боли знакомый голос:

— Я вложил в тебя столько сил, души, денег... А ты... — его дыхание обожгло шею. — Ты предала меня, Кристина.

И тут по комнате пронёсся уже знакомый мне свист кожаного ремня...

Зажмурилась, уже прекрасно зная, что будет дальше... Вот только боли не последовало, вместо этого прокатился раскат грохота.

Глухой удар, жалобный скулёж, смешанный с грудным хрипом и стонами, а после мне под ноги упал пистолет. Тот самый, что впивался в мой висок ещё пару мгновений назад.

Боялась шевелиться... Медленно повернула голову в сторону дверей, на которые смотрела все это время. На пороге стоял... Савин.

Я бы вскочила, но мои ноги были привязаны к ножкам стула! Смотрела на него, как на единственное спасение. Вот только от знакомого мне Савина ничего не осталось.

Он полыхал от ярости, мощная грудная клетка ходуном ходила, на шее набухли вены, пульс шкалил, лупя по вискам. А глаза... Тёплая зелень превратилась в опасную поглощающую тину.

— Женя... — мне хотелось рыдать, кричать, молить о помощи, но изо рта не вырвалось ни единого звука.

— Ненавижу ночных гостей, — спокойствие его голоса

было острее заточки. Он царапал, оставляя шрамы, рассыпал тихую угрозу, за которой всегда следует расправа. — У вас хобби такое — вваливаться в мой дом?

Мой кошмар медленно поднялся с колен, вытирая кровь с губ, и захрипел, впиваясь в меня своим звериным взглядом.

— Ну что, Кристина... Кажется, твой новых хозяин пришёл забрать свою куклу? Променяла старого волка на молодого щенка? Теперь для него начнёшь красть, врать, шпионить... И спать с каждым, на которого он укажет?

И этого Савин уже вынести не мог...

Глава 1

Назло всем открыла крышу своего кабриолета и утопила педальку, обгоняя зазевавшихся водителей. Машина гудела подо мной, вибрировала, послушно виляла задницей между полос центрального проспекта, ласково отражала лучи солнца в желтой отполированной бочине.

Мне было так свободно, так легко, что на мгновение морозец страха прошёлся по коже.

Завидевший моего «желтенького зверя» швейцар уже вскинул руку, приветствуя издалека, и осторожно отошел к обочине. Ударила по тормозам, заглушая шум большого города изящным визгом.

— Доброе утро, Кристина Львовна, — седовласый швейцар, Тимофей Семёнович, галантно распахнул дверь и помог мне выйти. — Решили позавтракать?

— Да, и выгулять своего «монстра», а то заскучал на холодной парковке, — передала ключи, оправила короткую юбку-тенниску и, лихо покачивая задницей, направилась к главному входу отеля, где располагался мой любимый итальянский ресторан.

Администратор кивнул и, опередив официантов, лично бросился сопровождать меня к любимому столику на террасе.

Это был ритуал... Прежде чем сделать заказ, я пару ми-

нут стояла, облокотившись о стеклянное ограждение, наслаждаясь огромным шумным беспокойным городом, что распластался у моих ног. Столица бурлила, кипела и булькала. Люди жили, мчали по своим делам, прятались в каменных коробках, изнывали от страсти, горя и радости.

В этот момент я ощущала себя королевой этого мира!

Усилием воли фиксировала эту картинку, только бы затмить запах казенного постельного белья, потёртые обноски, выдаваемые с лицом торжествующей щедрости, холод сырых стен и безнадёгу.

Я уже не та семнадцатилетняя девочка, но потребность бросать вызов самой себе никак не проходила. Мне говорили, что все забудется, новая жизнь раскроет двери в будущее, а дурные воспоминания уйдут. Но вот мне тридцать пять, а чуда не случилось.

— Брускетта с вялеными помидорами и омлет с сыром? — не скрывая улыбки, произнёс администратор, когда я наконец-то развернулась к столику.

— Спасибо, Александр. И кофе...

— Чёрный, без сахара и прямо сейчас, — Александр закончил фразу за меня и улыбнулся. — Кристина, когда вы появляетесь на пороге нашего ресторана, я радуюсь.

— Почему?

— Что-то в этом мире должно оставаться постоянным... Слишком мало стабильности, и это пугает. Ваш заказ будет скоро готов, — он щёлкнул пальцами, и на столике по-

явилась чашка кофе, изящная ваза с цветами, а персонал неслышно оставил меня наедине со своими мыслями.

Но ненадолго...

Тёплый утренний ветер трепал мои волосы, оглаживал лицо, спускался по рукам, ласкал кожу ног, ныряя под складки юбки. И когда я уже достигла внутреннего дзена, позволила себе шальную мысль, что этот день будет особенным, за спиной послышались бодрые и до боли знакомые шаги.

И вдруг солнце спряталось за пышные облака, накрывая яркость утра сизым пеплом.

— Милая моя, доброе утро, — тяжелая рука легла на мое плечо, с силой впиваясь пальцами в кожу, чтобы оставить след.

Он делал это всегда... Клеймил каждый раз! А после наслаждался своим автографом, довольно шурился и потирал подбородок.

— Ты, как всегда, великолепна... Шикарная, яркая, молодая и преступно красивая! — сухие тонкие губы коснулись пальцев моей руки, задержавшись на костяшках.

— Хм... Шквал комплиментов с самого утра? Ой, не к добру, — стянула со спинки кресла сумку, достала бархатный мешочек и толкнула по глянцевому камню стола. — Эдуард Сергеевич, вы за этим? Документы в ячейке, код ты знаешь.

— Как всё прошло?

Добродушие спало с его лица, уступая место алчности. Он

довольно поцокал языком, торопливо развязал тесьму, достав магнитный ключ, а потом будто случайно уложил ладонь на моё обнаженное колено, быстро пробежал пальцами до края юбки, но как только створка дверей скрипнула, и появились официанты, отдернул руку.

— Всё как обычно. Если ты переживаешь, что меня заметили, то будь спокоен, — процедила я и сдвинула стул, увеличивая дистанцию. — Всё прошло тихо и спокойно. Твой Кроликов лох и слабак, и пароль от сейфа у него — день рождения жены. Как с такими дела-то вести? Не страшно? Короче, будь спокоен...

Я выдохнула, рассчитывая, что закончу завтрак в тишине и спокойствии.

— А мне-то чего нервничать? — Эдуард заметил моё движение и нахмурился. Уложил подбородок на сомкнутые руки, впиваясь фирменным недобрым взглядом.

Он ненавидел, когда я ему перечу, пререкаюсь или отвечаю вопросом на вопрос. Но по факту он только этого и ждал... Ждал повода, чтобы показать власть, силу своего влияние на меня. Забава у него была такая...

— Кристиночка, это ты у нас профессиональная мошенница, воровка и повелительница сейфов и самых сложных замков. Что может связывать меня, уважаемого человека, и такую, как ты? — Эдик откинулся на спинку кресла и запыхтел своей отвратительной вонючей трубкой.

— Ты нарочно портишь мне аппетит? — отбросила вил-

ку, а после убрала под стол руку, в привычном жесте пережав вены на исцарапанном шрамами запястье. — Думаешь, я забуду, кто я? Кому обязана всем этим? Будь спокоен, твоими усилиями я всегда буду помнить, где моё место.

— Ну что ты, Киса, — Эдик примирительно похлопал меня по плечу и хрипло рассмеялся, сводя этот разговор к шутке. — Ты чего нервная такая? Я что, мало тебе плачу?

— А я что, плохо выполняю работу? — огрызнулась, прекрасно понимая, что сейчас последует наказание.

Но, к моему удивлению, Эдик проглотил обиду, вот только полыхающее пламя в глазах никак не утихло.

— Кристина, я просто напоминаю суровую правду и избавляю от никому не нужных иллюзий. Если ты расслабишься, если попадешься, я не стану крушить свою карьеру, чтобы вытащить глупую детдомовку. Попалась — сама виновата...

— Глупую? Если всё, что есть у меня, принадлежит тебе, то всё, чем ты владеешь — добыто благодаря глупой детдомовке! — правда сорвалась с языка, но было уже слишком поздно. — Это так... В порядке обоюдного обмена откровенностями.

Эдик рывком опустил ладонь на мой затылок, вжимая лицом прямо в тарелку с омлетом. Его пальцы впивались, оставляли отметины его больной извращенной любви, выстроенной на подчинении, власти и желании владеть мной, как бездушным коллекционным экземпляром.

Но вот он шепчет на ухо, а я мурашками покрываюсь. Он хлещет правдой, а я не слышу сути. Будто в мареве колдовском плыву, и уже не больно и совсем не страшно.

Тело пластилиновое, податливое. Эдуард ударил ладонью по груди, сжал, причиняя боль, а после надавил, будто до самого сердца хотел добраться!

И вот так всегда! Этот мир, может, и у моих ног. Но у всего есть цена... И свою стоимость я прекрасно знаю...

— Ты заблудилась? Потеряла ориентир или забыла правила? Я — твой хозяин, твоя жизнь в моих руках! Не заставляй меня расставаться с любимой куколкой, слишком долго я воспитывал свою Галатею...

Мне было больно! Его пальцы все сильнее врезались в ребра, нарочно сжимали сосок, дабы усилить эффект очередного урока «хороших манер»!

— Прости, Киса, — шептал Эдик, едва касаясь губами мочки моего уха. — Я так давно не уделял внимание своей девочке, что она забыла, как же сильно я её люблю. Да, Киса? Я умею любить... Сильно, жарко, до изнеможения! Заеду вечером. Приготовься...

И вновь короткий поводок ложится на шею, затягивается в узел, чтобы я не вздумала рассчитывать на самостоятельность и иллюзию владения своей жизнью.

— Заодно поговорим о новом задании, — Эдик спокойно убрал руки, позволил подняться, а потом равнодушно протянул салфетку, чтобы стереть следы оmlета с моего лица.

И снова это каменное безэмоциональное обличье с лёгким налётом отвращения.

— О каком задании? — голова до сих пор кружилась, руки не слушались, я будто из комы выбралась, разучившись дышать, думать. И снова его слова как приказ, как прописная истина... — Мне сейчас нельзя отвечивать, ты же знаешь!

— Вот там и заляжешь на дно. Это далеко от Москвы, тебя там никто не знает, — Эдик повысил голос, а после поднялся, рывком оттолкнув кресло. — Я освобожу вечер, готовься, Кристина...

Глава 2

Этот город вдруг перестал принадлежать мне, снова превратившись в опасные жестокие каменные джунгли. И ничего не грело! Ни счет в банке, ни собственная квартира, ни гараж, заставленный дорогими тачками.

Глупо бежать от боли и одиночества, скупая брендовые шмотки и обставляя квартиру в соответствии с современными тенденциями моды.

В груди все равно дыра.

И заполняется она, лишь когда ОН сжимает моё сердце, лишая свободы. Мне больше не нужно думать, решать, бежать и стремиться... Не потому что не хочу или не могу, а потому что будет только хуже!

Бросила на стол пару купюр и выбежала из ресторана, ощущая едкую горечь, ползущую по глотке вверх.

«Он купит тебе новую жизнь...»

Вот как раз жизнь-то он мне и не купил! Купил шмотки, дом, документы и прописку. Он дал мне хлеб, научил пользоваться удочкой, а взамен забрал право выбора.

Да, я — ВОРОВКА!

Да, я выполняю любое задание, что мне прикажет мой хозяин: подстава конкурентов, компромат, деньги, украшения! Я могу пробраться даже на самый охраняемый объект, вот только я не родилась такой... Меня этому долго и упорно

учили!

Нет, мне не жалко этих богатеньких ублюдков, не жалко их деньги, их фирмы, забугорные счета. Мне жалко таких, как я... Бесправных, слабых и обреченных.

И от этого было гадко.

Прыгнула в машину, а вскоре я уже вбегала в салон красоты моей подруги, чтобы закрасить этот день.

— В рыжий!

Я постоянно вздрагивала, натываясь на своё новое отражение в зеркале. Сначала я была в восторге от столь дерзкой перемены, но теперь... Эта приглушенная рыжина с мелкими высветленными прядями, дающими структуру стрижке, казалась слишком кардинальным решением.

И представляю, в какой ярости будет Эдуард!

В квартиру он вошёл, как обычно, не потрудившись позвонить. Говорил по телефону, на ходу снимая пиджак, ботинки, бросил портфель на привычный крючок и, дежурно клюнув меня в нос, прошёл в гостиную.

Он нахмурился, оттолкнул бутылку вина, что уже успела согреться, и сморщил нос.

Чёрт...

Метнулась на кухню, достала из духовки утку, заправила салат, прихватила из винного шкафа новую бутылку и, пока оно не посмело согреться даже на полградуса, поспешила открыть и наполнить его бокал.

Эдуард сделал глоток, довольно кивнул головой, продолжая внимательно слушать собеседника на той стороне трубки.

В такие моменты мне полагалось молчать. Сидеть с прямой спиной, доброжелательным взглядом и смотреть ему в рот, ожидая, когда же потреплют за ухо.

Но не сегодня... Эдуард не смотрел в глаза, он скользил по моим волосам, будто ещё не решил, доволен ли он преображением или нет.

И снова этот кивок... Быстрый, бездумный, ровно такой же, как и его ладонь, уже тянущаяся к моему телу.

Как можно одновременно чувствовать восторг и отвращение? Как можно ждать этого, но при этом сглатывать рвотные позывы и едкое желание разбить бутылку и приставить осколок к его горлу!

Тело бунтовало, а мозг плавился. Его взгляд был похож на маятник гипнотизёра. Он проникает внутрь, поработывает, стирает возможность сопротивляться, коверкает правду и заставляет поверить в его ложь.

Он отвлёкся всего на мгновение, и чары рассеялись...

Эдуард раздраженно отбросил телефон, закрыл глаза, с шумом выдохнул.

— Савин Евгений Андреевич, — произнёс Эдуард, пропустив милое приветственное вступление. — Этот сукин сын вскрыл мой компьютер и хакнул все данные! Все!

И вдруг его лицо изменилось... На лбу выступили пульси-

рующие вены, челюсть заскрежетала от ярости, Эдик вско-
чил, схватил меня за руку и мощным толчком отправил пря-
миком в стену.

— Ты мне всё о нём узнаешь. Всю подноготную на блю-
дечке принесешь, а я потом подумаю, что делать дальше,
— прохрипел Петухов, сжимая меня за горло все сильнее и
сильнее.

— Что это значит?

— Ну, ты же не дура, Кристина, — он прижался носом,
провёл по линии челюсти и прикусил мою нижнюю губу. И
так сильно... До крови. — Ты принесешь мне этого ублюдка
и его друзей в зубах. Ясно? Кривые схемы, связи, компро-
мат... Самое гадкое, низменное и преступное — вот что меня
интересует.

Его глаза вспыхнули синим пламенем ярости. Зрачки пол-
ностью сожрали радужку, поглотили в них жизнь, топя в ад-
ской тьме.

— Мне больно!

— Тем лучше, Кристина. Никаких иллюзий, что ты мо-
жешь вернуться и сказать, что ничего не вышло. И не взду-
май позволить себе ничего лишнего. Ты же помнишь судьбу
своего последнего спасителя? — Эдуард ослабил хват, про-
бежался пальцами по скуле, потом спустился к губам и раз-
нёс сочащуюся кровь. — Помнишь? Как его звали? Его, ка-
жется...

Он толкнулся вперед, прижимая меня к стене так, чтобы

и вдохнуть без его разрешения не посмела.

— Бедолага... Его плоть превратилась в пепел, а родные хоронили черные обожжённые кости в закрытом гробу. Что он там тебе пообещал? Помочь сбежать от меня? А потом жить долго и счастливо? Только попробуй меня подвести, Кристина... Я забуду, как забрал тебя ещё девчонкой, что воспитал тебя, суку! Выезжаешь завтра...

— Я тебя ненавижу!

— Ты всё перепутала, Кристиночка. Это любовь... Ты просто меня очень любишь. А теперь собирайся и принеси мне на Савина всё, чтобы уничтожить их компашку...

Глава 3

— Привет, красавчик, — подняла солнцезащитные очки на макушку, когда подъехала к КПП элитного коттеджного посёлка «Пески».

Охранник растянул губы в улыбке и распахнул дверь, будучи готовым помочь заплутавшей красивой дамочке на сверкающей спортивной тачке.

Да по его взгляду уже было понятно, что всё он про меня знает и понимает. И откуда шикарное авто, и что явилась сюда не просто так, а на вечернее randevu с затосковавшим в отсутствие жены олигархом.

— Чем могу помочь? — пузач откинул козырёк фуражки ото лба и усмехнулся.

— Мне сказали, мой пропуск будет ждать на посту охраны. Давайте знакомиться, теперь будем часто видеться. Меня зовут Маргарита, — широко улыбнулась и помахала грузовику, что уже припарковался сзади.

— Тимур, — мужчина кивнул и бросился к домику, после чего выдал мне конверт. — Вот пропуск и электронный ключ. Будут проблемы, обращайтесь в любое время.

И в этот момент ворота скрипнули, выпуская сначала чёрный джип, за которым выкатил до неприличия дорогой спортивный корабль. Крыша была откинула, а за рулём сидел ОН...

Вот ты какой, Савин Евгений!

Фото и анкетные данные порой не совпадают с реальностью. Но здесь всё наоборот.

Давненько я не встречала столь гармонично красивых мужиков. Таким не нужны дорогие костюмы, они от природы породистые даже в обычной черной футболке и драных джинсах. Стать, сила, крепость внутреннего стержня и абсолютно устоявшийся внутренний мир.

Чертовски сладкий мужчина...

Красивые черты лица, резкая линия профиля, небрежно зачесанные ото лба волосы.

— Евгений Андреевич, добрый вечер! — охранник тут же забыл обо мне, лишь распахнул въездные ворота, махнул, чтобы побыстрее проезжала, и помчался к Савину.

— Здорово. Вот держи, это для твоей дочки, — Савин протянул охраннику какой-то пакет. — Я сегодня уже не вернусь, но мне должны привезти кое-что. Оставь у себя, хорошо?

Какая удача...

Я отчего-то не могла отвести взгляда от этого мужчины. Просто прилипла, как муха к капле мёда. И в этот момент, будто почувствовав, что за ним наблюдают, по мне скользнула пара зелёных глаз. Вот только я успела поднять тонированное стекло и рванула на территорию.

— Вот это да... А так и не скажешь, что в этом городе есть на что посмотреть, — присвистнула и в сопровождении

полупустого грузовика покатила по центральной улице посёлка.

Искала не столько тот дом, что мне удалось арендовать, сколько дом, принадлежащий Савину.

Перед тем как приехать, я внимательно изучила эту занятую компанию. Бойцовский клуб, ошеломительная известность, но не медийная, не та, о которой трубят по федеральным каналам, а такая тихая... Просто все знали, куда именно нужно идти за адреналином. И поставщиками этого своеобразного удовольствия были Савин, Лютаев и Князев.

Но ведь на боях таких денег не заработать, а значит, их влияние на город куда более глубинное. И Эдуард не мог об этом не знать! Сука... Что он задумал?

Дом Савина стоял в тупиковом переулке. Никаких острых замковых башен, никакой вычурности. Невысокое современное строение с плоской крышей, едва выступающей из-за каменного забора. По периметру камеры, датчики движения, замаскированные под уличное освещение. Зато, кажется, там нет собак.

— Вернусь, как стемнеет. Чем быстрее выполню задание, тем скорее свалю из этой глуши.

Свернула на соседнюю улицу, с радостью заметив, что одно из окон арендованного мной дома так удачно выходит на перекрёсток. Обзор самого участка так себе, но подъездную дорогу видно прекрасно.

Грузчики довольно быстро справились с моим барахлом

— тремя полупустыми чемоданми, парой коробок, набитых всякой ерундой для легенды, а после оставили меня наедине с чужой пустотой и тишиной.

Странный город... Депрессивный, холодный, здесь даже солнце другое! Оно светит через марево, припекает, но стоит ему скрыться за облаком, как тебя пробирает холодный пронизывающий ветер.

Но если честно, он просто напоминал о том, о чем так сильно хотелось забыть...

— Побыстрее бы отсюда убраться.

Чтобы скоротать время, я сразу переоделась в удобный комбинезон, достала ноутбук и ещё раз просмотрела план дома. Точной информации найти не удалось, этот Савин охранял свое жилище, будто там золотовалютный фонд хранится. Но кое-что найти всё же удалось.

У меня всего один шанс пробраться в дом. И пусть удача будет на моей стороне.

Вдруг в кармане зажужжал телефон.

— Да, — я нарочно не произнесла его имени, чтобы дать понять, что ещё злюсь за его выходку.

— Киса, привет, — Эдуард говорил тихо, дыхание быстрое, а значит, он опять на беговой дорожке в бессмысленной попытке продлить свою богатую жизнь. — Как дела?

— Эдуард, что происходит? Ты никогда не звонишь на задании, так откуда это беспокойство? Что у этого Савина такого? — тревога внутри крепчала, а подозрения, что это не

просто кража компромата, становилась невыносимой.

— Я хочу, чтобы ты не расслаблялась! Кристина, я уни-чтожу тебя... Превращу твою жизнь в ад! Нет... Я заберу твою жизнь, если ты облажаешься!

Эдик никогда не кричал... Но лучше бы он вопил от ярости, потому что слушать этот волчий низкий рык было невыносимо!

Я сбросила вызов, выключила телефон и рухнула на пол в попытке восстановить дыхание. Распласталась по холодному паркету, отгоняя самые мрачные картинки прошлого.

Люди боятся детских домов, боятся приёмных семей, думая, что только больной человек возьмет на себя ответственность за чужого ребенка... Но всё это не то!

Нужно бояться богатых дядек со светящимся нимбом над головой и тугими карманами денег. Потому что они несут опасность! Они с легкостью ломают тело, психику, очерняют душу, делают тебя противной, гадкой даже для самой себя.

И ты уже не можешь смотреться в зеркало, вздрагиваешь от любого шороха и слушаешься его голоса, боясь лишь тёмной комнаты в сыром безлюдном подвале. Боишься шагов в тишине, лязга навесного замка и его звериного шёпота: *«Хорошая девочка... Вот видишь, что случается, когда ты меня не слушаешься...»*.

Вот только слушаться его не менее больно... Я – марионетка с набором навыков, приносящих пользу. Но не более... И дышу я, лишь пока выполняю то, для чего он меня воспи-

тал. А потом – утилизация...

Через пару минут я окончательно взяла себя в руки и начала подготовку.

Как только солнце закатилось за горизонт, прикрыв посёлков сумерками, я выскочила через окно, выходящее на задний двор.

Мне нужно справиться с этим заданием! Я обязана... Чтобы на шаг приблизиться к свободе. К своей свободе, а не к картинке, что создал вокруг меня Петухов.

Единственным способом пробраться на территорию дома Савина была западная стена. Там у кромки озера растёт раскидистый дуб, густая крона которой ложится прямо на забор. Вот туда я и проскользнула.

Вскарабкалась по могучему стволу, закрепила верёвку на длинной крепкой ветке и перемахнула через забор, спрятавшись в кустах.

Окна дома были тёмными, безжизненными. Собак нет, камеры слежения не спрятаны, а значит, обойти их можно. Если очень захотеть... А я очень этого хочу!

Натянула на голову капюшон, спрятала волосы и ползком двинулась под густыми ветвями кустарника прямо до угла дома. В этой точке камеры не пересекаются, а та, что закреплена на заборе, упирается в плодовое дерево. А его высоты мне хватит, чтобы проскользнуть в вентиляционное окно котельной.

Достала набор отвёрток, свинтила решётку, молясь, что-

бы его охрана не додумалась вставить дополнительную сетку. Но, хвала лентяям и лоботрясам — путь был свободен.

Мой неполный сороковой размер с лёгкостью проскользнул через крошечное окошко. Спрыгнула на пол, включила фонарик и замерла, прислушиваясь к посторонним звукам. И лишь когда убедилась, что никто за мной не гонится, вышла из котельной.

— Вот это да... — присвистнула, осматривая утонченный минимализм.

Никакой стерильной белизны и брутального чёрного. Хотя я готова была поклясться, что жилище этого красавчика будет выглядеть, как со страницы последнего модного журнала интерьеров.

Но тут все иначе... Дубовый паркет-ёлочка, приятный оттенок стен, контрастирующий с янтарным камнем, уютная мебель. А ещё запах... Пахнет жизнью, а не стерильностью дорогих бутиков.

А вот рабочий кабинет удивил... Он был холодным, тёмным, строгим, чтобы ничего не отвлекало.

— Чёрт, возьми... Чем они тут занимаются? Решают судьбы стран? Строят коварные планы и творят революции? И как выглядит этот грёбанный компромат?

Обыск я начала по часовой стрелке. Высоченные стеллажи с книгами, ящики, комод, а вот сейф оставила на десерт, чтобы потом не отвлекаться.

И когда уже спрыгивала с тумбы, случайно зацепила стек-

лянный куб, он едва пошатнулся, открывая красный уголок папки с документами.

Спустилась, присела на край стола, подставляя под луч фонаря бумаги, ожидая увидеть цифры, копии договоров, какие-нибудь свидетельства на левую собственность... Но вместо этого я смотрела в бесконечный список женских фамилий.

— Какого чёрта? — прошептала, как только взгляд упал на предпоследнюю строку, в которой была и моя фамилия тоже.

— Какого чёрта? — словно передразнив меня, прорычал мужской голос...

Да так громко, что я и дышать перестала, и видеть, и даже чувствовать свое сердце.

Взгляд упал на окно.... До него два шага, плюс пара секунд, чтобы открыть створку. До забора домчу махом, перелезу с помощью оставленной веревки, а там меня уже никто не догонит!

Но в следующее мгновение все мои надежды рухнули...

— Ты кто, мать твою, такая? — мужчина не просто схватил меня за руку, послышался щелчок, и на запястьях лег холод металла. — А ну не рыпаться!

Мужчина скрутил меня в рогалик, резким ударом раздвинул ноги, опёр о стол, уложив лицом вниз, а после по телу рассыпались довольно грубые резкие шлепки ладонью. Меня обыскивали, а вернее, стегали, совершенно не церемонясь

ни в словах, ни в жестах.

— Имя! — рыкнул мужчина, когда отчаялся найти в моем облегающем тонком комбинезоне хоть какую-то подсказку. Меня обдало жаром, а ещё яркой волной алкогольных паров.

Но всё, что мне оставалось — это молчать...

В какой-то момент незнакомец поднял меня на руки, встряхнул и развернул к себе лицом. И я утонула в мутных зеленых глазах...

Савин!

— Кто ты, женщина-кошка? — он прищурился, чуть подался вперёд, а после рывком стянул с меня капюшон, рассыпая рыжие локоны.

Его взгляд был не то что недобрый... Он полыхал пламенем ярости! Лютый прищур, звериный оскал, рваное дыхание и отчетливые гулкие удары сердца.

Я стиснула зубы, впилась пальцами в край стола, к которому была прижата его огромным телом.

— Молчишь? Тогда посиди тут, — Савин снова подхватил меня, бросил на диван, и снова щелчок... Он протянул наручники через металлические опоры подлокотника, защёлкнул, затем стянул с портьеры канатный перехват и связал ноги.

— Ты что творишь? Отпусти меня!

— О! Заговорила? — Савин сделал шаг назад и залился пьяным хохотом, наблюдая, как я безрезультатно пытаюсь освободиться. — А я думал, ты только мяукать умеешь.

Он обернулся, взял в руки папки, и взгляд его стал темным, тяжелым... Он быстро вышел из кабинета, а через пару мгновений вернулся с ведром и бутылкой воды.

Что?

Я смотрела на здоровяка и не могла поверить своим глазам. Мне будто не нужны были слова, его рвущиеся наружу эмоции были как на ладони. Он не пытался прятаться, играть, скрываться.

Ноль удивления, ноль желания разобраться... Он словно уже принял для себя решение.

Здоровый этот Савин... Плечистый, красивый, как с обложки. Из-под ворота футболки тянутся тонкие линии татуировки, очерчивающие вибрирующую артерию. Видно, что пульс зашкаливает, а с виду спокоен, как танк.

Пьяный, красивый, опасный танк...

— С тобой я разберусь завтра, когда выплусь и протрезвею. Вот вода, вот твой туалет. Без понятия, как ты будешь снимать свой комбинезон, поэтому советую тебе не налегать на воду, — Савин посмотрел на часы и просто вышел, правда, дверь нарочно не закрыл...

Глава 4

Савин

Голова трещала так, что было больно даже глаза открыть.

Ещё это назойливое «тук-тук-тук», скользящее по батарее. Какого чёрта?

Вскочил и тут же покачнулся. Череп готов был просто взорваться!

Давненько я так стремительно не надирался... Уже год не пил, а тут полный швах... Я уж думал, что после похищения жены лучшего друга ничего хуже и быть не может!

Но нет...

Какой-то бессмертный ублюдок вчера устроил дебош в нашем клубе. Перед глазами до сих пор стоит бледное окровавленное тело Князева, тонкие пальцы врачихи, стискивающие его горло, паника персонала, жадные глаза ментов, облепивших здание голодными стервятниками. И во всем этом дерьме нужно было разобраться мне.

Лютаев часто говорит, что я – чистильщик. Могу обелить репутацию, могу уничтожить, могу стереть с лица земли, и при этом не вставая с кресла. Друзья считают, что это мой талант. А я вот думаю, что это наказание.

Ещё эта девка...

СТОП!

Вскочил, собрав пазл вчерашнего дня. Стук по батарее

становился все громче, а источник шума всё яснее.

Натянул футболку, штаны и сбегал вниз по лестнице, уже на последнем пролете уловив отчетливую брань и проклятья в свой адрес.

— Наконец-то! — взревела девка, как только заметила меня. — Я сейчас лопну! Мне нужно в туалет!

— А мне нужно, чтобы в мой дом не влезали всякие кошки драные, — я не сразу прошел в свой кабинет, сначала осушил полграфина прохладной воды и забросил в рот пару таблеток аспирина.

— Ты хочешь заказывать химчистку своего дорогоущего дизайнерского дивана?

— А ты не мочилась, чтобы сберечь мне немного бабла?
— хмыкнул и медленным шагом направился по коридору.
— Боже, какая забота!

Девка вся извивалась, глаза шальные, злющие, щёки красные. Она от нетерпения просто подпрыгивала, пытаясь взглядом заставить меня двигаться быстрее.

— В туалет! Мне срочно нужно в туалет! — она попыталась подняться, но тут же отпружинила и застонала.

— Имя? — вытащил из кармана ключи от наручников, прокрутил их на пальце. — Давай, ты сэкономишь мне время, а я лишаю тебя иллюзии, что ты отсюда выберешься до того, как я узнаю о тебе всё до третьего колена.

— Пошёл ты!

— С-с-с-с-солныш-ш-ш-ш-шко какое, — протянул я, сма-

кую шипящие, от которых незнакомку буквально корёжило.

— Придурок! — взывала девчонка и начала трясти руками, требуя отцепить её. — В туалет! Срочно!

Но я засмотрелся... Спьяну как-то не до гляделок было, может, даже и к лучшему. А то на хмельную голову редко здоровые мысли приходят.

А девка-то огонь... Фигура точеная, будто скульптор по стандартам вылепливал. Узкая талия, шикарный разворот бедер, длинные стройные ножки и густая грива рыжих кудрей. И все это богатство обтянуто тонкой тканью черного комбинезона. Конфетка...

— Ладно, пойдём.

Сдёрнул с её ног канат, расцепил наручники и повёл её в гостевой санузел.

— И что? Ты будешь стоять? — зашипела дамочка, вот только взглядом уже шарила по стенам, явно выискивая способы выбраться. — Извращенец, что ли?

— Значит так... Ты, кошка, забралась не в тот дом... И если бы ты была воровкой, если бы сгребала ценности, бабло и столовое серебро, я бы просто сдал тебя ментам и забыл о твоём существовании, — сделал резкий шаг вперед, отчего девка взвизгнула и стала пятиться назад, пока не уперлась в душевую перегородку. — Но ты рылась в документах, а это дает мне право поступить зеркально. Я никуда тебя не отпущу, пока не узнаю, кто ты, на кого работаешь, и что именно искала. А теперь прикуси язык и скажи спасибо, что не пе-

реселил тебя в подвал, оттуда ты хрен сбежишь! — потряс её за руку, чтобы привести в чувства от шока, а затем отвернулся, дав понять, что смотреть не собираюсь. — Хотя... А это отличная идея.

— Извращенец!

— А ты преступница. 1:1! Поторопись...

Незнакомка долго стояла, не в силах поверить, что я не выйду. Она будто мысленно пыталась меня пристыдить, но когда осознала, что это не действует, отчаялась...

Чёрт его знает, как она справилась со своим сексапильным комбинезоном, чёрт его знает, как ей удастся держать себя в руках, но через пару минут девушка бесцеремонно ткнула меня в плечо, дав понять, что все закончилось.

Вёл её, как козу на верёвке, спустился в подвал, оттуда точно не сбежит. Помещение утыкано камерами, полное отсутствие окон, глушилки сотовой связи и миллион мест, чтобы закрепить наручники.

Втолкнул её в комнату отдыха перед бильярдным залом. Помещение небольшое, но здесь было всё что нужно: санузел, диван, телевизор и толстенная дверь, запираемая снаружи.

Я снова посмотрел на это раритетное сооружение с замком вроде тех, что на подводных лодках, и рассмеялся.

Наш начальник службы безопасности, бывший, но сильно контуженый вояка, совершенно не понимает чувства юмора. Мы с мужиками, когда заскочили на стройку, просто по-

шутили, что в комнате отдыха нужно поставить сейф-дверь, чтобы запирать неугодных придурков.

А Сашок взял и сделал! Да я чуть не охренел, увидев толщину металла... Но вот... Спустя пять лет пригодилось.

— Сиди и не дёргайся, Киса, — толкнул девчонку внутрь, снял наручники, но тут же схватил за запястье и притянул к себе. — И не вздумай пытаться сбежать.

Она вздрогнула, но не отпрянула. Вместо этого подняла голову и уставилась на меня с такой ненавистью, что даже мне стало не по себе.

Сколько же я видел вот таких вот... Молодых, дерзких, жадных. Они за жизнь цепляются всеми коготками, выцарапывая каждый день. Эх, Киса... Кто ты, мать твою, такая?

— Ты что, думаешь, я испугаюсь? — прошипела она, гордо вздёрнув голову.

— О, угрозы подъехали! Это что? Психологическая атака? Чтобы мне стало стыдно за грубое отношение к женщинам? Чтобы забыл, что это ты, дамочка, забралась в мой дом, а не наоборот, — рассмеялся я. — Мило. Но пока это ты у меня в подвале, кошечка. И если не начнешь говорить, то так и останешься здесь. Надолго... Терпения мне не занимать.

Девчонка задрожала, стала с опаской осматриваться, снова выискивая слабые места... Но глупо искать черную кошку в пустой белой комнате.

— Ладно, — вздохнула она, скрестив руки на груди. — Значит, я пленница?

— Боже, какая сообразительная, — я снова рассмеялся, усаживаясь на диван рядом с ней.

— Тогда обмен? Ты мне — достойные условия содержания, а я тебе — информацию.

— Какие ещё условия? — я приподнял бровь.

— Если ты думаешь, что можешь просто запереть меня здесь и ждать, пока я всё расскажу, то ошибаешься. Ты ни слова из меня не вытащишь, если ещё раз бросишь на привязи!

Боже, какая очаровательная наглость... Она мне условия диктует?

— Ну, давай я погадаю? — я закурил, на всякий случай перестегнув браслет к ножке дивана. — Конкуренты или всевидящее око государства?

Я нарочно провоцировал её, подкидывая самые нелепые варианты. Изучить противника можно, лишь погружая его в безопасную среду.

Она сейчас расслабится, решит, что я тупой идиот, и что со мной можно играть, как кошка с мышкой. Ну а дальше я вернусь, а она случайно окажется голой... Её ангельское личико вспыхнет румянцем смущения, она взвизгнет, начнет прикрывать свои прелести.

Секс, стремительный оргазм, способность мужчин отключаться, и ВУАЛЯ... В наручниках уже я, а от Кисы ни следа...

— Мимо, — дамочка вдруг выдернула из моих пальцев

сигарету и сделала затяжку, практически идеально замаскировав отвращение.

Не курит... Нарисовала себе роль и отыгрывает её.

Боже, какая послушная актриса с поразительной ловкостью и сообразительностью.

— Тогда на кого?

Она замолчала. Губы сжались в тонкую линию, взгляд стал стеклянным.

— Ладно, — я махнул рукой. — Сиди и думай, а я ещё не завтракал и не пил кофе. Ты прости, но я незваных гостей не очень люблю, поэтому на завтрак не приглашаю. Говорят, на голодный желудок усиливается мозговая активность.... Думай, Киса! Думай... Иначе этот бункер станет твоим пристанищем надолго.

Развернулся, вышел, захлопнул дверь и повернул массивный замок.

Глава 5

Кристина

Я была в ужасе... Смотрела на толстенную металлическую дверь, слышала скрежет поворотного замка и не могла поверить, что это все правда. Прозвучал последний стук, и в комнате будто не осталось кислорода...

Ещё никто и никогда не ловил меня вот так! Как тупую овцу, как девочку, залезшую папке в карман. А ведь опыт у меня большой...

Меня забрали из интерната, усадили в черный минивэн, а через час я впервые увидела самолёт. С виду он был крошечным, даже каким-то игрушечным, но салон был похож на королевский номер в дорогом отеле.

Кожаные пухлые сиденья, глянцевые столики, темное дерево, ковровин с высоким ворсом и длинноногие стюардессы. На меня не смотрели, тактично отводили глаза, будто я и вовсе была пустым местом.

Хотелось плакать... Я видела много слез, видела детей, которых привозят на старом ржавом автобусе. Они все рыдали, просились домой, хотели к маме...

Вот и мне хотелось плакать, но только я не знала, что такое дом, и что такое мама. Там мне было проще, но здесь... В этом шикарном самолёте в серых затертых джинсах и цветастом свитере, связанном нянечкой, я очень хотела рыдать

и домой, что бы под этим словом не скрывалось.

Я помню тот вечер до малейших подробностей. Столица встретила нас иллюминацией ночных огней, высоченными зданиями, пёстрыми вывесками и длинными пробками... Я пялилась по сторонам, будто оказалась в другой реальности. Дорогие тачки, красиво одетые люди, чистые улицы и сладкий аромат цветущей сирени.

Он привёз меня в небольшую однушку в спальном районе, как только вышел из машины, выбросил небольшую сумку со всеми моими вещами и проводил в новую жизнь...

А наутро я получила новые документы, адрес института, где меня будут ждать, и гардеробную, забитую новым шмотьем. После шумного интерната жить в одиночестве огромного города было странно...

Петухов не появлялся почти полгода. Его помощники привозили мне продукты, записывали к врачу, досконально изучая моё здоровье, а потом началась учеба в институте, и я отвлеклась. Просто перестала ждать, когда же приедет тот дядька и потребует оплатить свою доброту.

И он пришёл... Но оплату потребовал не ту, к которой я готовилась морально. К институту добавились борьба, карате, стрельба из лука, скалолазание и курсы иностранных языков.

Он будто в космос меня готовил! Причем враждебный, суровый и очень опасный.

Но правду не утаить... Сразу после закрытия сессии пер-

вого курса Эдуард снова появился в моей квартире. Он не пытался приукрасить уродливую правду, сказал все в лоб...

Меня забрали не от доброты душевной, а во имя собственной выгоды.

Вот тогда и закончилось моё детство.

Он вылепил меня, научил всему, что может помочь достать то, что ему нужно!

Я стала его тенью, его рабыней, его ручной собачкой. Нет... Я стала лошадкой на привязи, гулять которой позволялось исключительно на огороженной площадке.

Шаг влево – расстрел... Шаг вправо – расстрел. Но чтобы усвоить это правило, слов оказалось недостаточно, пришлось ощутить наказание на собственной шкуре.

Мне было двадцать, когда я собрала немного денег и решила сбежать. Месяц разрабатывала план, рассчитывала маршрут, выбирала точки остановок... Но убежала я всего на сорок километров от города.

Меня схватили и забросили в багажник, как вещь! Как нечто бездушное, бесправное, принадлежащее своего хозяину. А после был сырой подвал без окон. Я несколько суток сидела на холодном полу, пока не начала отключаться.

И тогда явился Эдуард... И вот тогда я поняла, что такое принадлежать мужчине. Каждой клеточкой своего тела! Кожа полыхала от хлёстких ударов кожаным ремнём. Он что-то бормотал, стегал меня, а после прижимался губами к пылающей отметине.

Я была дурой... Молодой, наивной дурой. Второй свой побег я планировала три месяца, и даже успела отдалиться на сто километров, вот только итог был тот же самый. Но в этот раз наказание стало другим...

Чем больше я сопротивлялась, чем сильнее он замыкался на мне. Визиты становились чаще и длиннее. Он делал больно, чтобы потом залечить мои раны, чтобы я привыкла, уловила взаимосвязь и перестала бороться с системой. А система — это ОН...

Он — владелец, центр вселенной и устав, который следует неукоснительно соблюдать.

Боже, какой позор... Я через такое дерьмо проходила! Сутками сидела в засаде, без еды, воды и возможности разогнуться. Я знаю все секреты самых богатых людей нашей страны. Этот компромат выжжен на сетчатке глаза. Они все у меня под каблуком! Все! А тут... Попалась какому-то грёбаному Савину из глубинки!

Опустила взгляд на свои запястья, украшенные наручниками в розовой меховой оплётке. Мне даже дурно представить, на скольких шлюхах сие орудие побывало!

— Извращенец! — зашипела, безрезультатно пытаюсь стянуть браслеты.

Помещение было красивым, но мёртвым. Ни капли дневного света, ни одного люка приточной вентиляции. Ничего... Камера с какой-то тюремной дверью. А ещё это очень похоже на тот подвал, где я сутками сидела, искупая свою

дерзость. Но здесь было сухо, светло и тепло.

И как бы я себя ни успокаивала, как бы ни пыталась найти хоть что-то хорошее в своём заточении, внутри уже назревала паника...

Если не смоюсь — мне конец. Если не выполню задание Петухова — мне хана.

Как ни странно, оба варианта отвратительные. А я жить люблю...

Чуть попрыгала на диване, подложила под поясницу подушечку и закрыла глаза, на случай если Савин наблюдает.

Мне нужно успокоиться и собраться с мыслями...

А вот с этим было труднее.

Тот список из женских фамилий никак не выходил у меня из головы.

Но что меня пугало сильнее — так это Петухов. Он скоро поймёт, что я не просто так не выхожу на связь, и тогда... Тогда он сольет меня, избавится, как от отработанной батареечки.

Мне во что бы то ни стало нужно вернуться в кабинет Савина, чтобы ещё раз изучить документы и вскрыть сейф, возможно, в нём больше информации?

Глава 6

Савин

Ледяной душ, чашка крепкого кофе — вот лучшее лекарство от похмелья и ярости.

Она пробралась в мой дом! Мой надёжный, тщательно охраняемый дом!

Первым делом я вызвал начальника службы безопасности, на котором и была ответственность за всю охранную систему, в которой оказалась лазейка. И сейчас Санёк носился по поляне, пытаясь понять, какого чёрта не сработали датчики движения.

Вот он бежит... А я убить его готов, потому что заранее знал ответы, которые он мне принесет. Выросшие деревья, необработанные кустарники, из-за которых и преломился луч. Вот только садовник второй месяц просит у него согласовать дату для стрижки деревьев. Но Санёчек же у нас персона важная, занятая...

— Сука! — зарычал я и шлёпнул чашкой о столешницу. Брызги осколков рванули во все стороны, а острая боль пронзила ладонь. — Девка... Это просто девка.

Бросился к раковине, подставил руку под ледяную струю воды, смывая розоватые разводы.

— Савин, ты что, решил самовыпилиться? — хохотнул Лютаев, но сориентировался быстро. Отдернул мою руку и

крепко перетянул белоснежным полотенцем. — Рано, Сава... Рано.

— Отвали, Никит. Я сейчас не способен переваривать твоё чувство юмора. Приходи завтра.

— Что происходит? Почему Санёк близок к шизофрении, бегают и бормочет, что его скоро уволят? — Никита усадил меня в кресло, чуть наклонился, как делал всегда, выпытывая информацию, которой ты вовсе не планировал делиться. — Зачем ты дяденьку довёл?

— Ты тут каким ветром, спаситель?

— Домой вернулся за документами, а тут Санёк базлает, вот и завернул. Вдруг с другом лучшим чего случилось? А то молчит... На сообщения не отвечает, трубку не берет. Так что произошло? — Никита затарабанил пальцами по столешнице, требуя незамедлительного ответа.

Но вместо подробностей я щёлкнул пультом, включая телевизор, на экране которого вспыхнула онлайн трансляция из подвала.

Засранка рыжая... Развалилась на моём диване, монотонно помахивая стройной ножкой. Поза расслабленная, даже немного скучающая. Я ждал истерики, визга, угроз вызвать полицию, ОМОН, ФСБ и даже ФБР, но вместо этого она медитирует?

— Савин, это что за нимфа в наручниках с розовым пуш-ком? — Лютаев расхохотался и присел в кресло, чтобы было удобнее наблюдать.

— Она вчера влезла в мой дом, так что Санёк не просто так в дурку собирается, а за дело! Чёрт подери, это просто баба! Она что, Никита? В ней и пятидесяти килограмм нет! как она обошла все ловушки-то? А знаешь через что пролезла? Через вентиляционную решетку в котельной! Чёрт, у меня там полторы руки влезет, а эта Кошка протиснулась...

— Савин, а ты не накручиваешь? Может, ты привёз бабу и не справился? Поэтому запер её, чтобы она раньше времени самого Евгения Савина не опозорила, обвинив в половом бессилии? Отсюда и наручники с пушистиком...

— Лютый, у меня башка трещит и без твоих дерьмовых шуточек!

— Тогда рассказывай сначала и не провоцируй мою фантазию, — Никита шлёпнул ладонью по столу, а после подошел и тоже стал рассматривать незваную гостью.

— Когда позвонил Князев, я уже был на пути в Уфу, там после растаможки застряла партия алкоголя, вот я и решил рвануть на машине. Он сумбурно рассказал, что на клуб напали, и мне нужно решить вопрос с ментами, чтобы панику не наводить. Я развернулся, приехал в клуб... Князев в крови, Юлька в панике... Какая там уже Уфа? С ментами я рассчитался быстро, охрана упаковала дебоширов, управляющий бросил все силы на уборку, а я... А я высадил бутылку водки и отправился домой. Вхожу в дом, а там Киса в комбинезоне роется в моих документах. И ты знаешь, она была чем-то так удивлена, что не слышала моего появления! А ты

знаешь, я не на цыпочках в свой дом вхожу, особенно под градусом, — толкнул папку по столу, а Никита ловко её перехватил.

— Что это?

— Помнишь, я говорил, что мы хакнули базу Петухова? Так вот этот список оттуда. Оставшаяся часть ещё у пацанов, там кодировка какая-то хитрая, но мы над этим работаем. Очень скоро мы узнаем все, что скрывает этот придурок.

— А это что за перепись населения? — Никита листал страницы, и чем дальше он вчитывался, тем чаще вскидывал на меня встревоженный взгляд. — Это что, список его любовниц? Сорок пять человек? Да в жизни не поверю... Любовник из него так себе.

— Даже спрашивать не буду, откуда ты знаешь о том, как Петухов в постели. Но я сначала так же подумал, Лютий... Неделю голову ломал, искал их по всем базам. Но из этого списка мне удалось найти лишь процентов двадцать. Двадцать процентов живых душ! Остальные — галочка в системе. Да, родился, да, поменял паспорт... А потом — провал.

— Савин, что ты за человек такой, а? Говори прямо уже!

— А потом мне пришлось изучить каждого человека отдельно. И вот тут начались чудеса... Оказалось, что в их биографии есть лишь одно пугающее совпадение — они все выходцы из интернатов и детских домов. Крошечные городишки, ветхие здания, скудное финансирование... Это не столицы, не региональные центры, а посёлки!

— И что?

— Лютый, а вот теперь ты не тупи. Это часть списка, тут почти пятьдесят женских фамилий, лишь двадцать из которых реально существуют в нашей стране, остальные либо сменили фамилии сами, либо их вымарали из системы. И тут я начал копать реальных... Оказалось, что в ста процентах случаев они работают на Петухова и его команду. Секретари, уборщицы, офис-менеджеры...

— Ну, работа неплохая. Осталось только понять, кем работают другие восемьдесят процентов? — Никита начал расхаживать по кухне, попутно ударяясь кулаками в стены. — Ты что... Ты хочешь сказать, что Петухов выкупает из детских домов девок и встраивает их в механизм своего бизнеса?

— Ну, давай признаемся, что женщины, в отличие от мужчин, закрывают куда больше потребностей. Вариативность бесконечна, учитывая, что мы можем анализировать только малую часть. И что-то мне подсказывает, что эта женщина-кошка одна из них.

Я вновь подошёл к телевизору, но моя гостья до сих пор не билась в истерике, и это меня напрягало. Кто же ты такая?

— Ты хочешь сказать... Что кто-то знал о том, что ты уезжаешь? Поэтому эта дамочка была так спокойна?

— Так точно...

Хмель стал сползать после третьего стакана холодной воды. Лютаев молчал, прожигал меня взглядом, словно чув-

ствовал, что я близок к разгадке.

И вдруг вспомнилось утро... Я бросил охраннику, чтобы забрал у курьера документы, сам сказал, что вернусь только завтра...

— Чёрт! — рванул вон из дома прямо через террасу. Перепрыгнул через живую изгородь и трусцой побежал к посту охраны.

Вскоре меня нагнал Лютаев, и вместе мы были похожи на двух чокнутых: я в пижамных штанах, а мой друг в дорожном костюме.

— Тимур! Дружище! — взмыл по железной лестнице вверх, ворвался в комнату охраны, чуть ли ни силой сталкивая главного. — Быстро покажите мне запись ворот за вчерашнее утро.

— Хорошо... — мужики были растеряны, но спорить и тыкать под нос своими правилами не стали.

— Стоп! — я зафиксировал время, когда моя машина показалась у ворот. — А теперь покажи другие ракурсы в это время?

Бинго... На экране стали вспыхивать кадры, внимание привлёк въездной шлагбаум, у которого стояла красная спортивная тачка.

— Это кто, Тимурчик?

— Новенькая... Сняла дом на всё лето, риелтор оставил конверт с пропуском. Приехала вчера утром в сопровождении грузовика, — Тимур указал на небольшой фургон. —

Выехали они довольно быстро, я даже чай не успел допить, будто пустой был.

— Имя есть? — нахмурился Лютаев.

— Никит, ты правда считаешь, что она тут под своим именем? Лучше номера машины срисуй, передай Санёчку, пусть поработает, пока очередь в дурку не подошла.

— Ну а как мы будем искать, куда она заселилась? Тимур, ты знаешь дом?

— Нет, — охранник нахмурился и побледнел от страха.

— Лютый, ты много в нашем посёлке видел красных «Камаро»? — я рассмеялся и выпрямился, растягивая напряженные мышцы. — Ну что, пробежимся по посёлочку?

— Зачем бегать, Евгений Андреевич? — подал голос молоденький парнишка, все это время сидевший в углу. Он встал и прокрутил рукояткой камеры, быстро пролистывая виды. — У нас под наблюдением почти каждая улица...

— Стоп! — Никита ткнул пальцем в экран, где в самом уголке, спрятавшись за пышными кустами живой изгороди, торчал красный бампер.

— Это рядом с моим домом!

— Ну, тогда пробежимся? — Лютаев стиснул зубы и первым выскочил из каморки.

Нужный дом мы нашли быстро. Дверь была заперта, но вот заднее окно, выходящее к озеру, было приоткрыто. Первым в дом запрыгнул я, потом и Лютаев.

— Весело... — мы прошли мимо пустых чемоданов, до

сих пор стоящих в коридоре. — Ну, тут всё ясно. Грузовик, чемоданы — всё липа. Она специально приехала, а ты, Савин, сам ей рассказал, что вернешься только на следующий день.

— Да... Но не всё тут липовое, — подопнул ногой валяющийся на полу телефон, а после поднял и присвистнул, потому как на экране значилось почти полсотни пропущенных звонков от одного и того же абонента. — Номер знакомый?

— Ну, давай проверим? — Лютый достал свой телефон, переписал цифры и нажал зеленую кнопку, после которой на экране вспыхнула фамилия, о которой мы думали, но вслух произнести не решились.

— Петухов...

Глава 7

Кристина

Время тянулось старой рыхлой жвачкой.

Я раз сто обошла комнату, играя с удачей, но сегодня она от меня отвернулась... Ни единого намёка на окно, потайную дверь. Ни зацепок, ни полок, чтобы взобраться и спрыгнуть на Савина, когда он вновь явится искрить скотским чувством юмора.

Хотелось загрызть его, придушить гада! Уничтожить!

Не отпустит он меня, потому что не дурак. Но и убивать не станет, потому что не животное. Он – бизнесмен... И спастись я могу, только предложив ему что-то взамен.

Грёбаная тюрьма... Идеально ровные стены, идеально белый потолок. Хотя и подвал, но пахнет чистотой и чем-то сладким.

Это помещение мне мешает думать! Но парадокс в том, что, сколько бы я не напрягалась, ясно одно — мне нужно попасть в кабинет Савина! Мне нужно внимательно изучить документы и понять, что это за списки, и почему они настолько важны Эдику.

И вдруг лязгнул замок... Звукоизоляция здесь настолько сильная, что я не слышала шагов. А значит, он все это время мог стоять за дверью и наблюдать за моей агонией.

Но в комнату вошёл не Савин...

Никита Петрович Лютаев... Я и его изучала по тем крохам информации, что удалось нарыть в сети. Загадочная персона... Но таких из толпы вычленишь сразу: высокий, сильный, пугающе красивый. Не глаза, а лучи рентгена. Если и улыбается, то свысока, с издёвкой.

— О! Женщина-кошка... А я про вас только фильм смотрел. Приятно познакомиться, — расхохотался Лютаев, присаживаясь на подлокотник кресла.

Ну и следом вошёл сам Савин... На фоне холёного Лютаева он выглядел как-то нелепо. Взъерошенные волосы, влажная от пота футболка, будто он пробежал пятнадцать километров, широкие спортивные штаны, висящие на самых бедрах. И резкий взмах руки чуть задрал футболку, на миг обнажая тугие рельефные мышцы пресса.

Чёрт... Куда я попала? Один красивее другого. Загон с потными и горячими жеребцами. Хотя, судя по новостной ленте, Лютаев глубоко женат на какой-то юной наследнице обанкротившегося богатея.

Я так засмотрелась, что не заметила нечто знакомое в его руке... Савин смотрел мне в глаза, а после разжал ладонь, показывая мой вибрирующий мобильник.

— Я больше не буду спрашивать, кто тебя послал и для чего. Теперь у меня вопросы другого порядка. Но у тебя есть выбор, Киса. Отвечаешь на звонок от своего хозяина, любовника или дядюшки, уже не знаю, кем он тебе приходится, и говоришь, что попалась. Либо можешь спасти свою шкуру и

сообщить, что ничего не вышло, и ты вынуждена была сутки просидеть в засаде, потому что я внезапно вернулся домой, — Савин говорил быстро, периодически поглядывая на вспыхивающий экран.

— Хорошо... И чего будет стоять моя ложь? Останусь пленницей в этой милой камере? А как только отвечу на все твои вопросы... Что ты сделаешь? Выбросишь меня? — я уцепилась за возможность получить сладкую конфету... Мне не свойственны манипуляции и давление на жалость, но это единственная возможность добраться до его сейфа. — Вы и без меня знаете, кто такой Петухов... Как думаете, сколько часов я проживу, после того как вы наиграетесь?

— А на этот вопрос только один ответ... ты либо выходишь отсюда и помогаешь мне избавиться от Петухова, либо остаёшься тут в роли куклы, раз уж ты сама наделила себя этой ролью.

— Ты сбрендил? — я расхохоталась и снова рухнула на диван, забросив ноги на подлокотник. — Савин, что ты знаешь о Петухове? У него связей больше, чем у президента. А ты кто такой? Совладелец бойцовского клуба и десятка ресторанов? Боюсь, мой ответ слишком очевиден. Простите, Савин Евгений, но выбор напрашивается сам. Как только дорастёте до Петухова, так сразу приходите. Где меня искать, знаете сами, — я взмахнула руками, очерчивая комнату. — Если у вас больше ко мне ничего нет, то прошу прощения, но мне пора спать. День был дерьмовый.

Я закрыла глаза, поелозила на бархатной подушечке и даже причмокнула, намереваясь отключиться.

— Киса, не беси меня, — вдруг яростный шепот раздался прямо над ухом. Расстегнутый ворот комбинезона стянуло так, что дышать стало тяжело. — Ты всерьёз мне рассказываешь про Петухова? А что о нём знаешь ты? Например, то, что в прошлом году очередную молоденькую любовницу соскребали с асфальта, когда старый пердун наигрался с упругим телом? Или то, что ещё парочка сейчас в дурдоме? Вопрос не в том, что будет мне, когда твой любовник, а теперь я в этом уже уверен, узнает о моём плане... Вопрос в том, насколько хорошо ты знаешь человека, из-за которого рискуешь?

Я застыла... Смотрела в его огромные серые глаза и кожей ощущала всю его злость. Но теперь к ней ещё прибавилась ненависть... Он смотрел на меня, как на мусор... Недостойный жалкий кусок половой тряпки.

— Ты работаешь на ублюдка, для которого человеческая жизнь — по умолчанию сопутствующая жертва. Всё, чего бы не касалась его рука, превращается в пепел. Ты, Киса, сейчас дышишь, зубки мне свои показываешь, но сама ещё не знаешь, что уже мертва. Он тебя сломал, научил жить так, как ему хочется... Ни желаний, ни прав... Ты только думаешь, что выбираешь квартиру, шмотки, тачки... Но на самом деле ты подстраиваешься под его рамки! Насколько это понравится дядюшке Эдику? И через эту оценку проходит твой

каждый шаг...

— Не называй меня Кисой, Савин! Не смей меня так называть! — я оттолкнулась и повторила его жест, стянула ворот его футболки, подтягиваясь, как на канате, до тех пор, пока не уперлась носом к носу.

— Сейчас ты ответишь на звонок, скажешь всё, что хочет Петухов, дабы успокоиться...

— Взамен ты вытащишь меня из этой дыры. Хочу нормальную кровать, окно, душ и мой чемодан, раз уж ты нашёл мой дом. Согласен? — вдохнула и тут же пожалела об этом...

Кожа его была горячая, с ароматом горькой ванили, смешанной с пряностью восточных специй. Это облако походило на дурман. Густой, пугающий, путающий мысли. И сопротивляться почему-то было так сложно...

— Алло, — рывком вырвала из его ладони свой телефон.

— Кристина? Какого черта? — Эдик взревел так, что эти вопли заполнили все помещение.

— Я не смогла добраться до его кабинета. Савин вернулся... Мне пришлось пересидеть в подвале, пока он не свалит, — говорила тихо, но спокойно, прекрасно понимая, что Эдика сейчас лучше не злить. — Он пока дома, а мне нужно придумать запасной план, поэтому я буду признательна, если ты перестанешь меня дёргать!

Я отпустила ворот Савина, сбросила вызов и вскочила с дивана, смело дефилируя мимо ошарашенного Лютаева напрямиком на второй этаж.

— Какую комнату я могу занять?

Глава 8

Савин

Смотрел вслед этой соблазнительной кошке, так плавно покачивающей своим задом, и почему-то испытывал совершенно нелепое сплетение эмоций... Злость, ненависть, восторг и желание узнать эту незнакомку.

— Какая сообразительная, но очень наглая у тебя пленница. Но тем интереснее, правда? — шепнул Никита и первым отправился за ней. — Я всё же распоряжусь, чтобы Санёчек охрану физическую поставил по периметру. На киллершу она не похожа, но кадык вкупе с яйцами оторвёт тебе за считанные секунды.

— Придурок...

Я обогнал Лютаева, взмыл по лестнице, заметив, что моя незваная гостья разгуливает по дому. Она делала вид, что спокойна... Осматривалась, ласково скользила по глянцу мебели, а сама все косилась на двери кабинета.

— Ну, так что? Я могу рассчитывать на комнату? — девка развернулась на пятках, метнув в меня острым взглядом.

— Для начала поговорим. Присаживайся, — я было чуть не назвал её Кисой, но вовремя вспомнил про замечание Лютаева. Да... Такая оторвет и не поморщится. — Как тебя зовут?

— Савин, а давай без подкатов? — она рухнула на диван,

подложила под поясницу подушку и улыбнулась. — Хотя, если хочешь поухаживать, то я бы не отказалась от завтрака.

— А я не подаю завтрак незнакомкам, — на её дерзость хотелось отвечать той же монетой. — Давай, не тяни... Я всё равно узнаю, кто ты.

— Милая, я бы тебе посоветовал сотрудничать с нами. Это же мы с виду только такие безобидные, — Никита выбрал место напротив, преграждая путь побега.

— А вы зря меня за дуру держите, господа хорошие. Мне глубоко оранжево на ваши планы по отношению к Петухову. А ещё напрасно считаете, что меня можно купить... Нет. Деньги мне не нужны. Ваших угроз я не боюсь... Если бы вы хотели действовать по закону, то эту ночь бы я провела не на привязи, а в отделении полиции. А это значит, что мы с вами на равных, — окончательно смирившись с тем, что завтрака ей не видать, девка нагнулась и сцапала яблоко с блюда в центре кофейного столика. Обтерла его рукой и с жадностью откусила. — Все, что мне дорого — собственная шкура. А вот за неё я глотки перегрызу. Чего вы хотите?

А вот это правда. Единственное, что может её заставить раскрыть все карты — страх за собственную жизнь. Но отсутствие в нас гена кровожадности она выкупила, оттого и сыплет колкостями. Нет... Бояться она нас не будет.

А может, это и неплохо?

Я вдруг заметил взгляд Лютаева. Он словно прочитал мои мысли, оттого едва заметно кивал, глазами указывая на спи-

сок, что лежал на барной стойке.

Она не поверит, если я расскажу ей все, что знаю о её покровителе. А значит, она сама должна найти то, что заставит её сделать нужный мне выбор.

— Тогда береги свою шкурку и будь паинькой, иначе быстро вернешься в подвал. А про полицию ты верно подметила. Сейчас они нам не нужны, но если ты начнешь творить дичь, то я сдам тебя по одному звонку, — очевидно, я слишком резко поднялся, отчего девчонка вмиг побледнела и едва заметно сжалась. — Гостевая комната на первом этаже. По периметру стоит охрана, деревья, мешающие работе датчиков, уже спилены. И вообще, я не советую тебе бежать.

— А то что? — девушка хмыкнула и сделала очередной укус яблока.

— Номер Петухова есть не только у тебя. Я сдам тебя и даже бровью не поведу. Ясно?

— Предельно, — она кивнула, но глаз не подняла, нарочно сконцентрировавшись на яблоке. — Кстати, можете не утруждаться. Меня зовут Кристина Вебер. Телец, ненавижу сериалы, аллергия на клубнику, виртуозно играю в нарды, шахматы и шашки. Остальное найдёшь сам, Евгений Савин...

— Можешь передвигаться по первому этажу свободно. В холодильнике есть продукты, завтраком побалуешь себя сама...

Я направился в спальню, слыша глухие шаги друга за спи-

ной.

— Вы что, парочка? — рассмеялась Кристина нам в спину. — Осуждаю... Такой генофонд должен плодиться.

— Вот же змеюка...

Я влетел в душ, снова врубил холодную воду, смывая липкий пот и усталость от утренней пробежки на дурную пьяную голову.

Когда я вернулся в спальню, Лютаев сидел за компьютером на террасе и смаковал сигарету.

— Князев как?

— Живее всех живых. Подлатали, и готов поспорить, что завтра сбежит домой. Что по вопросу с клубом?

— Трясите сотрудников, уверен, что у нас завелась крыса. С полицией я вопрос решил. Пострадавших нет, заявлений тоже... Ты с главврачом договорился? Если в прессу просочится информация, что Князева зашивали, они заведут дело, — я надел брюки, завис у шкафа с рубашками, после начал возиться с запонками.

— Там все хорошо. Доктор Соня договорилась, — он отмахнулся и вдруг развернул ноутбук. — Парни пробили Кису, все сходится.

— Но?

— Но Кристина Вебер появилась в сводках лишь с получением паспорта в двадцать лет. До этого не найдено ни единой зацепки...

— Значит, у неё была другая фамилия, — я напрягся и

сдернул с комода копию тех списков. — Здесь семь Кристин... И их всех нужно проверить.

— Хорошо, — Никита кивнул. — Савин... А какого черта ты вцепился в Петухова? Списочки перед сном изучаешь, компьютер его взломал, даже забыв сообщить нам об этом. У тебя с ним какие счета? Только не ври мне, Савин, я тебя как облупленного знаю.

— А если знаешь, то почему задаешь вопрос только сейчас?

— Ну, считай, что внезапно прозрел.

— Или Юлька сняла шоры с твоих глаз? — усмехнулся и бросил списки перед Никитой. — Ты и Петухова раньше не замечал, хотя я говорил, что он у них там главный.

— Ладно-ладно... Уел. А теперь говори...

— Проблемы в семье были не только у вас с Князовым. Когда мне было семь, родители решили развестись. Они поселились в судах, деля имущество, а я отправился в деревню к чокнутой бабке. У неё случались обострения, и тогда на глаза ей лучше было не попадаться. Я сбегал на ферму неподалёку, где познакомился с милой рыжей девчонкой. Мы подружились... Но потом её отец спился, убил жену, мать, а дочь отправилась в интернат. На Петухова я вышел пару месяцев назад. Мозаика не складывалась, вся информация рваная, какая дикая. Я даже ездил на место, но меня попросту разворачивали, угрожая вызвать полицию, — я нагнулся и ткнул пальцем в строчку в этом длинном списке. — Диана

Семёновна Лапина... Я чуть не свихнулся, увидев её имя. А теперь эта чокнутая Киса... Я нутром чувствую, что она знает то, чего мы никогда сами не найдем, Лютаев. И если мне придется носить её на руках, я буду это делать!

— А я помогу...

Глава 9

Долго лежала на диване, бестолково пялясь в огромный телевизор. Щелкала каналами, периодически отключая звук. Я всё пыталась услышать шаги со второго этажа, обрывки фраз, голоса... Но глухо!

Чёртов склеп с тайнами...

Я была так зла, что сточила все яблоки, отчего желудок сжимался спазмами.

Нутром чувствовала, что эта парочка бруталов там ко-сточки мне переминают, вот только встать и проявить интерес – показать свой страх и трепет перед их решением. Но то не мой метод. Он сам приползёт... А значит, нужно набраться терпения и ждать. Не будет же он сутки там сидеть?

И в подтверждение моих мыслей по лестнице наконец-то забухали тяжелые шаги.

— Кошка, хватит уничтожать яблоки, потому что в них больше кислоты, чем ты думаешь... Хотя, если ты хочешь отправиться с язвой в больничку, то помни, что я и там найду, к чему пристегнуть наручники, — Савин заглянул в гостиную, на ходу повязывая узел галстука.

Чёрт... Хорош жеребчик. И в потной футболке, и в дра-ных джинсах, а в этой броне от «Бриони» его и вовсе с пре-зидентом можно перепутать.

Стоит такой наглый, уверенный, сильный... И ведь знает,

что никуда я не сбегу, оттого и лыбится, как придурок. Но ооочень горячий придурок...

Я отвернулась, придав лицу безразличие.

— Кис-кис-кис, — вдруг раздалось над самым ухом, а в нос ударил терпкий аромат мужского парфюма. Этот придурок навис надо мной, стирая все свободное пространство, свежий воздух и мою выдержку. — Лоток в туалете, лежак в спальне, в шкафу пара чистых футболок. Охрана принесет твои чемоданы и оставит у дверей. Не скучай... И умоляю, не меть территорию!

— Территорию метят коты, ветеринар-недоучка, — шикнула и чуть перевернулась, дабы он не увидел, как меня покрывает табун мурашей.

— До вечера, Кошка!

— Кристина! Меня зовут Кристина!

— Доверие ещё нужно заслужить, а тебе, дамочка, я не верю! Вдруг ты Серафима? Или Забава Путятишна? — последние слова Савин прокричал, а после бахнула входная дверь.

Я тут же подскочила и рванула к окну. Запуталась в тюле, тайком наблюдая, как парочка рассаживается по машинам. Ворота закрылись, всего на миг даруя мне ощущение свободы... Но уже через мгновение из небольшого домика выпала вооруженная охрана, оцепляя периметр участка.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — ударила кулаком в стену, завопила во все горло, попутно следя за реакцией охраны, но они даже не обернулись. А это значит, даже если меня убьют в этом

доме, никто и никогда этого не услышит и не узнает.

Затолкав желание рухнуть спать, я все же решила избавиться от зудящей навязчивой идеи и двинула к кабинету. Но... Двери были закрыты.

Присела, рассмотрела личинку замка и рассмеялась.

— Могли бы и прикинуться, что помещение запирается. Жаль, что я не взяла с собой свой волшебный набор отмычек. В этом комбинезоне ничего не спрятать. Но ничего...

Пару минут на кухне, немного усилий, чтобы изогнуть и без того витиеватый штопор, тонкое лезвие ножа для колки льда, и вуаля... Дверь кабинета распахнулась, будто приглашая меня в пузырь хранящихся в нём секретов.

— Да ты издеваешься! — взревела, как только вошла в кабинет, потому как те самые документы лежали ровной стопкой на углу стола, причем повернуты они были к входящему. — Грёбанный ты, Савин... Знал, что я не успокоюсь? Знал, что я приду за правдой?

Раз стесняться было уже нечего, а прятаться и подавно, я устроилась поудобнее в кресле и спокойно перечитала документы, делая небольшие отметки на списках.

Нееет... Савин даже не понимает, что это не просто перечень фамилий со странными цифрами в соседней колонке. Я уже видела такой порядок чисел — это номера банковских транзакций.

И как только я это поняла, список настоящих людей превратился в перечень товаров, рядом с которыми были ценни-

ки. И особенно больно было, когда взгляд доходил до конца списка, запинаясь о свою фамилию. Бабенко Кристина Леонидовна...

— Хм, надо же... Я уже и забыла свою настоящую фамилию. Срослась с тем, что звучит ярче, красивее....

То, о чем я догадывалась интуитивно, те обрывки воспоминаний из детства превратились в карусель замерших кадров. И в центре этого хаоса был директор интерната.

Трясущийся, с пожелтевшей кожей и огромными пигментными пятнами по гладкой лысине. Помню его крошечные бегающие глазки и выцветшие ресницы. А ещё голос... Хриплый, прокуренный, дрожащий:

— Кристина, пришла твоя очередь... Тебе скоро выпускаться, и что тебя ждёт? Общежитие в ожидании квартиры от государства? Случайная и нежелательная беременность и среднее образование, которое ты никогда не продолжишь? Кристина, это твой шанс! Он купит тебе новую жизнь!

Купит новую жизнь... Но директор умолчал, что сначала купили меня, а потом уже и ту жизнь, что соответствовала статусу моего мецената.

Злость клубилась где-то под рёбрами, опутывала сердце, сдавливала легкие, и я уже с трудом дышала.

В этом списке было три фамилии с указанием моего интерната. О них я никогда не слышала, но тем интереснее.

Достала телефон, благо Савин не забрал его, разобрала и переставила сим-карту, которую использовала для той жиз-

ни, где не было Петухова. Я его просто исключила... Вымарала, рассекла надвое, чтобы выделить нечто своё, укромное.

Свою соседку и подругу по комнате я нашла почти сразу, как обустроилась. Мне нужен был человек, который знал меня прошлую, перед которым не нужно было играть и притворяться, с кем можно просто посмеяться и посплетничать. И Ляйсан подходила на эту роль лучше всех. С тех пор мы часто болтали по телефону, порой до самого утра.

— Ляся, привет. Ты как? — натянула улыбку и даже сымитировала легкость в голосе.

— Крис, никогда! Никогда не беременей! Это ад... Меня тошнит от голода, а когда я ем, то тут же выворачивает. Это замкнутый круг, — моя подруга разрыдалась в голосину, а после начала звонко икать. — Нет, ты не думай... Я хочу мою девочку, но это ужасно!

— Ляська, ты такая смешная. У тебя трое детей, и каждый раз ты говоришь одно и то же, — я рассмеялась, внезапно ощутив приступ тоски. В последний раз мы виделись лет пять назад, когда мне удалось обмануть Эдика и свалить на пару дней к Ляське.

— Ладно, ты права. Я плакса, хныкса и слабачка. Но я Петьке так и сказала, что третий – последний! Ну, так что случилось? Я по голосу слышу, что тебе что-то нужно, — послышался хруст солёного огурца, а потом протяжный стон удовольствия. — Говори, пока меня не стошнило.

— Я буду называть фамилии, а ты меня остановишь, если знаешь этих людей. Демидова Мария, Трошкова Яна, Лаптева Ева....

— Крис, ты чего? Это наши девчонки с третьего этажа. Помнишь, мы бегали с ними играть в волейбол? Они нас были старше на пару лет, — Ляся перешла на шепот, потому что не только мне не хотелось вспоминать те годы в стенах интерната. — А что случилось?

— А что ты о них знаешь?

— Их перевели в другой детский дом, насколько я помню.

— Что, сразу троих?

— Нет... Сначала Ева не спустилась к завтраку, потом Машка, последней была Ева. А ты что, про Еву ничего не знаешь? — подруга вдруг защebetала, и её голос снова стал заговорщицким. — Она подцепила какого-то папика богатого. Он купил ей квартиру, возил в дом на берегу моря. Мы с ней часто созванивались... Она однажды позвонила мне пьяная и переключилась на видео! Крис, это не дом, это какой-то замок восточный... Белоснежные стены, яркие краски ковров, густая паутина тянущегося по колонам винограда. А ещё море... Огромное бирюзовое пятно, очерченное желтой лентой песчаного пляжа. А потом... Потом Ева решила привязать дядю ребёнком. Залетела...

— И что? — я не шевелилась, боясь, что сейчас Лясяка начнёт блевать и не дорасскажет историю девочки, которую я даже не помню.

— В следующий раз она позвонила мне из психушки, куда упрятал её же богатый папик. Она там пролежала три месяца, а когда вышла... Короче... Короче, её соскребали с асфальта у подъезда своего дома.

«Что ты знаешь о Петухове? Его любовницу соскребали с асфальта...»

Голос Савина вибрировал в голове, вновь и вновь повторяя слова, которые точь-в-точь повторила Ляська. Вот только появился другой голос... Родной, грубый, хриплый:

«Ну что, Кисоньке нравится новый домик? Кисонька об этом мечтала? Устала, бедная... Лапку Кисоньке сломали на задании. Здесь отлежишься. Море, тишина, и ни единой живой души...»

Фантомная боль стала такой яркой, я машинально сжала запястье, внутри которого стояли спицы и пластины.

Чёрт... Петухов?

Папик — Петухов????

— Ляся, а другие? Оля, Маша? Они где?

— А мы после смерти Евы перестали созваниваться. Вернее... Они просто сменили номера и растворились. Так, Кристина, что происходит? Куда ты там вляпалась?

Права Ляська... Я точно вляпалась!

Глава 10

После разговора с подругой должно было быть легче... Но не сегодня.

Сказать, что я удивилась – да нет.

То, что Петухов – мразь меркантильная, я узнала ещё там, в пустом коридоре интерната. А позже он старательно, даже педантично делал всё, чтобы я никогда этого не забыла и не посмела мечтать о завиральной трансформации монстра в сказочного принца.

Нет... Петухов – страшный человек. Нет у него ни рамок морали, ни духовных ценностей... Вся его жизнь вписана в стратегию богатства, власти и доминирования. А каждый сильный соперник автоматически становится врагом и целью... И для этого ему нужна была я.

Милая, с виду хрупкая, с яркой внешностью и сильной женской энергией... Но таких, как я, было много. Однако я стала первой, кто был готов на всё, лишь бы выжить.

И тут мы нашли друг друга... Он кайфовал от власти, поднимал планку, ставил невыполнимые задачи, а я просто хотела жить. Жизнью это было назвать сложно, но существование было довольно сносное. Но главное – Эдик никогда не подкладывал меня под мужиков, осознав, что это та самая красная черта.

Но сейчас я словно упёрлась в развилку: налево пойдёшь –

Петухова разозлишь, направо пойдёшь – Савину дорогу перейдёшь.

А в идеале мне нужно время...

Откинулась на спинку кожаного кресла, прокрутилась, останавливаясь взглядом на сейфе... Толстая створка была приоткрыта, как последняя шутка гребаного Савина.

Дверь в кабинет он закрыл, чтобы посмеяться?

Не двигая головой, прошлась взглядом по периметру кабинета, выискивая скрытые камеры. Но даже если они тут и установлены, то мастерски спрятаны... В другой ситуации я бы вскрыла электрический щиток и вычислила по развязке питания. Только вот сейчас лишних движений лучше не делать. Должна же в женщине оставаться тайна?

Я снова разложила списки, в очередной раз прошлась в алфавитном порядке и тяжело вздохнула.

Нельзя мне возвращаться... Этот дом, Савин с его объемом информации – вот ключ к моей свободе.

— Чёрт... Петухов, ты кретин? Сам отправил меня украсть ключ к моей свободе?

Шальная идея осенила мою голову слишком внезапно... Быстро сменила сим-карту, включила телефон и смело ткнула в кнопку видеовызова.

После двух долгих гудков, экран моргнул, и послышалось тяжёлое пыхтение Петухова.

— Киса? Что случилось?

Ваажные у Савина документы... Очень важные, раз он

даже принял видеовывод.

Прильнула к экрану, впервые увидев интерьер его квартиры.

Чёрт... Я еле сдержала смех. Черный глянец мрамора, сверкающие золотые планки, хрустальные висюльки люстр — старая добрая роскошь, достойная его величества.

— Он вывез все документы, — хотелось думать, что я мастерски разыграла разочарование и в подтверждение своих слов перевернула камеру на пустой сейф. — Ничего тут нет! Эдик, ты хоть скажи, что я ищу? Этот дом пустой, стерильный... Ни компьютера, ни планера, единственный сейф в кабинете. Этот Савин... Он точно мог украсть твои документы? Потому что сейчас мне кажется, что ты сильно ошибаешься.

— Почему? — прохрипел Эдик. — Что натолкнуло тебя на эту мысль?

— Это дом... Настоящий. Полный холодильник, разбросанные вещи, номинальный кабинет, в котором явно никто и никогда не работает. Если у него и есть эти документы, то хранятся они явно не здесь, — я закусила губу, радуясь, что сейчас он меня не видит. — Ты посмотри на эту дверь! Фанера? Здесь нет камер, игрушечная система охраны с двумя проводками, открытые окна. Эдик, я много повидала комнат, где хранятся самые ценные данные, и поверь, это не тот вариант.

— Не тот? — протянул Петухов, и вдруг повисла долгая

пауза. — Переключи камеру, Киса.

— Что?

— Ну, считай, что твоя командировка продляется, — Петухов прыгнул с беговой дорожки и приблизил камеру телефона, елозя по мне внимательным взглядом. — Делай что хочешь, Кристина, но через неделю все данные должны быть у меня.

— И что ты предлагаешь?

— Я должен предлагать? Киса, а ты ничего не перепутала? Ты живёшь в шикарном пентхаусе, твой гараж ломится от спортивных тачек, сейф забит цацками... И ты хочешь, чтобы я придумал, как тебе выполнить свою работу?

Я знала этот тон... Сейчас Эдик шагает по тонкой грани. Одно неверное движение, и он сорвётся на ор...

— Ты что предлагаешь? Прыгнуть в его постель? Оттрахать его до беспамятства и выпытать все секреты? Или, может, пробраться в клуб, ломящийся от тестостерона, и обыскать его кабинет там?

— Ну вот... Хорошая девочка, — Эдик аж заурчал от удовольствия, прищурился, отчего его и без того крошечные глаза превратились в щелки. — Кристина, я скажу грубо и коротко... Мне фиолетово, трахать ты его будешь или убьешь в подворотне. Мне нужно, чтобы эти ублюдки не успели воспользоваться информацией. Нет у тебя времени! Эти документы мне нужны ещё вчера! Ясно?

— Ясно... Тогда не названивай мне больше, как ревнивый

любовник! И ещё... Это будет последнее задание.

— Ещё чего? Ты там что — таблеток смелости нажралась?

— Я любым способом достану тебе то, что ты хочешь, а взамен получу свободу. Думай, Эдик...

Я было хотела отключить звонок, но не успела. Грозный шепот Эдика уже заполнил все пространство кабинета. Он как липкий пар оседал на коже, бурлил в крови, бил по вискам, крошил череп...

— Ты, Киса, забываться начала... Думаешь, я слепой идиот? Забыла, чем заканчивались твои побеги? Зализала шрамы? Отлегло? Забылось? А я напому... И если посмеешь меня кинуть, то я твою беременную подругу на растерзание псам отдам... Как там её зовут? Ляйсан?

Только он умел ударить словом так, что жить не хочется...

— Только попробуй, Петухов! Я тебя солью быстрее, чем ты успеешь сказать своё последнее «Киса»!

Вскочила и бросилась по длинному коридору, сдирая с себя комбинезон на ходу. Влетела в небольшую гостевую комнату, распахнула дверь в личный санузел и пустила горячую воду. Густой пар закрубился по стенам, выписывая ломаные кружева.

— Уничтожу... И Савин мне в этом поможет!

Глава 11

Савин

Чёрт... Вот почему люди так долго смотрели эту передачу про пятнадцать клёвых людей. Тайком наблюдать за их жизнью — будоражащее действо. Особенно, за эффектной рыжухой в тесном комбинезоне.

Чертовка... Всё как по нотам: вскрыла дверь в кабинет, изучила документы, но не поверила... Она вообще никому не верит, кроме своих инстинктов. И во главе стоит главный — выжить любой ценой.

Я думал, что она глупая, но ловкая и сообразительная деваха. Но оказалось, что удивить её сложно. Всё она знает про Петухова...

И что гнида, и что подонок редкостный. Но, тем не менее, выполняет задания? А значит, боится.

Страх — липкое чувство. Оно опутывает тебя по рукам и ногам, контролирует изнутри, подчиняет, уничтожает изо дня в день. Вот только смотря на эту женщину Кошку, думается, что боится она не крика от Петухова.

— Что ж ты, мразь, сделал? — поставил трансляцию на паузу, не вынося тихой паники Кристины.

Она сжала горло, впилась ногтями, а после начала сдирать комбинезон, убегая в отведенную ей комнату. Её лицо то бледнело, то покрывалось пятнами, розовые губы распа-

живались, Кристина с жадностью глотала воздух, но это не помогало.

Ужасающее зрелище. Её боли было так много, она сочилась через экран, повторяя уродливые формы исковерканной и уничтоженной женской души.

— Поговорим? — в кабинет вошли Князев и Лютаев, они одновременно упали на диван, а следом впорхнула Ульяна с традиционным кофе.

— Свободна, Уля. И дверь закрой, чтобы не смущаться от наших разговоров, — Игорь хлопнул в ладоши и обернулся, ожидая, когда же щелкнет замок. И как только секретарша удалилась, плотно закрыв дверь, парни обернулись, утыкаясь в меня острыми требовательными взглядами.

— А я думал, мы друзья, Сава, — первым допрос начал Князев, он даже защелкал костяшками пальцев, прекрасно зная, что я не выношу этот звук. — Но нет же... У тебя дома шикарная цыпа, вы с Лютаевым бегаєте по поселку, играете в сыщиков и дознавателей. А ты и вовсе в БДСМ подался, наручники с помпонами на неё надел и зачем-то одну в доме оставил. Что происходит?

— У Савина женщины давно не было, вот он и развлекается, — Лютаев усмехнулся. — А теперь давай серьёзно? Савин, у нас правило – не играть в интересные игры в одиночку. Ну, нашёл ты цель, так поделись с другом! Почему с Петуховым танго затеял без нас? Знаешь, что меня смущает?

— Ты же все равно скажешь, — захлопнул ноутбук, убе-

дившись, что Кристина после душа легла спать.

— Савин, ты такие дела воротил, что нам с Князевым завидно было. Но главное – делал всё тихо. А тут вдруг прокол... Вот это-то меня и смутило. А не специально ли ты следы оставил?

— Ну ладно, — я поднялся, достал папку с собранными материалами и приступил к рассказу. — Когда мы вышли на Петухова, я понял, что случайности не случайны. И я даже порадовался, ведь нечасто выпадают столь занятные объекты. Говорят, из грязи в князи – так это про него. Сам выбрался из крошечного северного посёлка, куда даже поезда не ходят. Ушёл служить, а обратно уже не вернулся. Удачно сходил с пацанами на выходной, спас девчонку из лап хулиганов, вот она и влюбилась по уши. Оказалась сия трогательная лань дочкой богатого столичного банкира. У старика за год до этого в аварии погиб сын, поэтому он с распростертыми объятиями принял будущего зятя в свою семью. Голодный, холодный, бедный – шикарный материал, чтобы воспитать достойного преемника. И вот тут Петухов понял, что такое настоящая армия. Эдик оказался под таким прессом, под тотальным колпаком... Шаг влево – расстрел, шаг вправо – виселица за яйца. Я тут кое-что нарыл, — бросил на стол первую партию интересностей.

— Боже, какая прелесть, — рассмеялся Лютаев. — Тесть его что, бил? Пять переломов за год?

— Воспитание... Старик винил себя в смерти сына. Раз-

баловал, в задницу с детства целовал, вот и закончилось все плохо. Но с Петуховым он таких промахов решил не допускать. Знаешь, у русских есть метода, работает всегда – кнут и пряник. Так вот сыну достались пряники, а Петухову – кнут.

— Чёрт, Савин, я сейчас расплачусь, — Князев отбросил справки из больниц. — Давай ближе к делу?

— А потом старик умер, и наш Петухов начал отыгрываться. Убрал всю команду, нанял своих людей, но и их вскоре пощёлкал. По одному, чтобы панику не наводить. И тут Петухов задумался, а как создать армию преданных сотрудников, как он сам?

— Воспитать? — Игорь хмыкнул и повернулся к Никите.

— А кто самые преданные?

— Боже, это психологический триллер какой-то. Треугольник из жертвы, агрессора и спасителя? Сам их кошмарит, потом спасает, потом говорит, что лучше работников не найти. Это всё ясно, он больной ублюдок... Но как ты понял про детские дома и интернаты?

— Я когда Диану искал, вышел на директора детского дома. Старик лежал в хосписе с раком в четвёртой стадии, вот он мне и начал сходу душу изливать. И про то, как группа меценатов зачастила, как для них пышные утренники готовили, как они по одному выдёргивали выпускников. Как он был счастлив, когда получал фотографии из универа, из путешествий, новой машинки, квартирки... Он же всерьёз считал, что делает благое дело. Ну чего ждать от государ-

ства? Квартиры? Так в районных центрах нет новостроек, там выделяют комнаты в старых общагах. А в таких местах скорее спиваются, чем жизнь новую и взрослую начинают. Вот директор и ухватился за этих меценатов... Тогда я и понял, что дёргает он их не просто так. А потом напоролся на слушок, что кара господня обрушивается на любого врага Петухова. То тачку угонят раритетную, то бриллианты из закрытого сейфа, то контракт подрежут. А про тендеры и вовсе говорить не приходится. Если участвует Петухов, то другим там ловить нечего...

— И ты взломал его компьютер, зная, что ничего важного для нас там не будет, только для того, чтобы выманить этого мистера ИКС? — Лютаев прыснул со смеху, а Князев и вовсе захлопал в ладоши. — Ждал киллера? Наёмника? А пришла Киса, да?

— Согласен, облажался, — закрыл ладонями лицо, растер, давясь хохотом.

Прав Лютаев... Не Кису я ожидал. Ой, не Кису...

— Ладно, скучно у вас тут, — сдернул со спинки пиджак, подписал документы, что ещё с утра мне принесла Улька. — А меня дома кошка ждёт... Настроение хреновое, пристегну к батарее и буду пытаться. Медленно, чувственно, пока она не сольёт мне, кто же крышует нашего Петухова.

— Не изотришь там по самый корешок, — Князев швырнул в меня подушкой, но, как всегда, промахнулся. — Такие, как твоя Киса, не сдаются просто так.

— А с чего ты взял, что я ей просто так предлагаю сдать-ся? Придётся нам её взять под опеку...

— Вот ты и начни, опекун, блядь... Слюну подотри только.

Глава 12

— Кис-кис-кис, — протянул я, как только переступил порог дома.

— Савин, это уже не смешно! — раздалось из кухни.

По дороге я не проверял камеры, поэтому услышать голос вороватой нимфы стало большим, но приятным сюрпризом.

Может, мужики правы? Засиделся я в холостяках? На игры в кошки-мышки понесло?

Но, черт подери, это знатно будоражит...

Кристина порхала по кухне в моей футболке, даже не пытаясь прикрыть аппетитную задницу. На плите шкворчала яичница, закипал чайник, девчонка нарезала зелень, а после щедро засыпала ею блюдо.

— Что ж ты, Киса, голенькая по дому ходишь? Не страшно? Тебе что, чемоданы не принесли? — я обернулся, но никаких новых предметов не обнаружил.

— А мне нечего больше бояться. Из-за тебя, Савин, весь мой мир полетел под откос. Какого хрена ты тогда вернулся? — Киса театрально охнула и назло мне дернула рукой, прекрасно зная, что футболка задерется сильнее. — Ну, отдала бы я ему компромат, так у тебя копий на всех серваках полно.

— Что за нервы, Киса? Или новые вводные появились? — я снял пиджак, бросил на спинку кресла, стянул запонки,

бросил в пепельницу и присел за стол.

Говорить о том, что я в курсе их разговора, не стал, как и то, что её телефон теперь я могу прослушивать в любую минуту. Пусть девочка успокоится.

— Да... Я изучила документы, которые ты так великодушно оставил для меня в кабинете под замком, — девчонка кинула изучающий взгляд через плечо, явно оценивая эффект, производимый её полуобнаженной фигуркой.

Эх, Киса... Не на того ты напала.

— Понравилась шутка? Оценила?

— А то! Вкус у тебя, Савин, хороший, а чувство юмора — дерьмо. Но это проблемы твои и твоей будущей супруги, — Кристина поставила в центр стола сковородку, вручила мне вилку в руки, проигнорировал вопрос во взгляде. — Ешь, так вкуснее.

— Тысячу лет не ел со сковородки, — закатал рукава и проколол желток, а Киса заботливо всучила мне кусок хлеба. — Ну, так что насчет списка думаешь?

— Савин, я девочка уже большая, поэтому если ты хочешь показать мне, что Петухов — человек говно, я это на своей шкуре прочувствовала. И всю силу его любви больной, и ненависть поймать успела. То, что ты нарыл — капля в море, — Кристина говорила ровно, её эмоций ничего не выдавало. Как робот... В глазах боль, а внешне спокойна, потому что привыкла, что её чувства на хер никому не нужны.

— Ну, почему ты на него работала, даже спрашивать не

буду. Спрошу иначе – чего ты хочешь?

— Савин, мне ваши игры в большую деньги на хрен никуда не упёрлись. От них жертв больше, чем от бомбардировок. Ты думаешь, я сегодня не сбежала, потому что боюсь тебя? Или верю в то, что вы разберётесь с ним? Нет... Я знаю, как эти дела делаются. Два льва грызут друг друга, а потом объединяются, оставляя за спинами случайных жертв. Так вот, себя подставлять я не дам. Если ты думаешь, я буду ссикать от восторга, когда ты его с голой жопой оставишь, а себе баблище заберешь, то сильно ошибаешься. Мне Петухов весь нужен! Весь, понимаешь? — Кристина рванул вперед, нависла над столом, уничтожив расстояние между нами. Её волосы пахли белым шоколадом и сладкой клубникой.

Такая красивая, тонкая, хрупкая, почти невесомая. Шейка изящная, оголившееся плечико угловатое, впадинки ключичные глубокие.

Меня коротит от неё почему-то. Другая она... Не такая, как все. Не жеманничает, не строит из себя королевскую цацу с каменной спиной. Она просто есть... Вот такая, по-хорошему дикая, странная, необузданная.

И красота у неё особая. Не шаблонная, искусственная, а живая. Яркий румянец на щечках, чуть припухшие искусанные губы, на лице ни грамма косметики, волосы собраны в лохматую гульку на затылке. А выбившие пряди кудрявятся, по коже скользят, отчего мурашки по шее разбегаются.

— Савин, моя шкура – самая лучшая валюта. И рисковать

ею ради распила его бизнеса я не стану. Вы – коммерсанты, язык денег для вас основной. А я – букашка, раздавить которую проще простого...

— А что тебе? Яйца его принести в маринаде? Или голову плешивую? — я чуть покачнулся, ударяясь носом в её носик.
— Ты говори, не стесняйся.

— Я сыграю за вашу команду, если ты принесешь мне головы всех! — Кристина вдруг перегнулась, натягивая эту гребаную футболку по упругим сисечкам. Она сдернула с гарнитура список и бахнула им об стол. — Все эти твари мне нужны... Директора интернатов, детских домов, ну и вишенкой — сам Петухов. Кстати, можно без яиц...

Щелкнул зажигалкой, отводя взгляд, чтобы не показать удивления, но Кристина вытянула из моих пальцев сигарету. Затяжка, густое облако дыма под потолок и тяжелый протяжный вздох.

Сука... Могла попросить всё что угодно! Дом на необитаемом острове, где может спокойно жить, не боясь кары Петухова. Но нет! Она в пекло лезет... Может сколько угодно говорить про свою шкуру, про любовь к жизни. Но я-то вижу, что думает Кристина о другом.

Ей страшно от полученной информации. Жутко представить, что сейчас, в каком-нибудь интернате, он снова отбирает запуганных и несчастных девчонок, чтобы сломать им жизнь, заткнув дорогими шмотками.

Не за себя она скребется...

— И план есть?

— Я сказала Петухову, что твой дом пустой. На что получила приказ лечь под тебя, Савин... Вот настолько сильно важна ему своя кристальная репутация. Бережет, стережет и охраняет. Даже игрушкой любимой готов с тобой поделиться, — Кристина откинулась на спинку стула и вскинула наглый взгляд, что был острее клинка. — Ну? Воспользуешься телом бедной лани?

— Такие бедные лани обычно мужикам решето вместо сердца оставляют...

— А ты не смертник, Савин? — Кристина закинула обнаженную длинную ножку на стол и пробежалась пальчиками от колена к бедру. — Страшно?

— Я тоже не мальчик, Киса, успел разных дам узнать. Есть робкие кошечки, их мамы по утрам кашей кормят, а папки женихов ещё с пелёнок подбирают. Ласковые и нежные создания, из таких матери отличные, но жены номинальные. А есть суки, их недолюбили в детстве, так они теперь сами берут то, что хотят. А ты, Киса, гибрид... Сама росла, сама выросла, как сорняк. Ненавидишь до смерти, любишь с той же силой... Но предложение я твоё принимаю, — я снова отобрал сигарету, прижался к мокрому фильтру губами. — Итак? Какой план?

— Мне нужны все, что у тебя есть на Петухова. Изучить надо...

— Не веришь?

— А я никому не верю, не в обиду. Петухов скор на расправу, он меня уберет быстрее, чем ты получишь то, что хочешь. А поэтому сейчас я отправляюсь в арендованный дом, а завтра ты начнёшь за мной ухаживать. К утру за мной будет установлена слежка. Каждый вдох будет конспектироваться и передаваться Эдику, — Кристина поднялась, убрала пустую сковороду в посудомойку, в очередной раз выставив задницу.

— А дальше?

Я прекрасно понимал, к чему она клонит... И, признать-ся, план был отличный. Когда ещё удастся сыграть лоха, клюнувшего на зачётные сиськи?

— А дальше ты меня берешь к себе на работу. Неделя у нас есть, а потом Эдик убьёт меня, — Кристина вытерла руки о футболку, а после вышла в коридор. — Проводишь даму, или охране поручишь?

Кристина накинула мой плащ, натянула ботильоны и открыла дверь.

— Киса, не вздумай играть со мной. Теперь за твоими вдо-хами следить будет не только Петухов, — перехватил её ладонь, чуть потянул на себя и зашептал на ухо. — Если дума-ешь, что в этом мире только Эдик умеет быть жестоким, то ты сильно ошибаешься.

— Я пионы люблю, Савин... Будь дружочком, ухаживай красиво, а? Доставим старичку эстетический оргазм?

Глава 13

Кристина

Проснулась резко, будто меня за волосы выдернули из уютной проруби.

Хапала ртом воздух, сжимала шею, только бы успокоить рвущееся сердце.

Осмотрелась и выдохнула... Светлая пустая спальня, распахнутые окна на террасу и тишина.

Я думала, что Савин меня не отпустит. Для него упустить добычу – большой риск. Однако, тем не менее, спорить он не стал, щедро подарив иллюзию свободы.

Но мне не привыкать... Я в этой иллюзии выросла, жила и самовоспитывалась. И прав он, не было у меня ни отца, ни матери. Некому было готовить мне каши, читать сказки о принцах. Никого у меня нет.

Я поднялась с кровати и пошла в душ, уже слыша, как надрывается телефон с первого этажа. Перед сном расставила свои вещи, развесила шмотки, на случай если Петухов решит проверить правдивость моих слов. А ещё я до глубокой ночи размещала крошечные камеры, чтобы первой узнать о вторжении на свою территорию.

Приняла душ, наложила на лицо маску, укуталась в пушистый халат и направилась на кухню. стакан воды, чашка кофе, новостная лента – вот рутина моего утра.

Но что-то пошло не так...

В дверь прерывисто, но довольно громко постучали.

— Кто?

— Доставка для Кристины, — отрапортовал молодой, почти писклявый голос.

На крыльце стоял тощий курьер, его лицо было красным, по лбу катился пот. Он стирал его тыльной стороной ладони и с лютой ненавистью смотрел на огромные корзины с пышными пионами разных цветов.

Нет, это не букеты... Это оранжерея с ярким, пьянящим ароматом распускающихся бутонов.

— Доброе утро, — парень улыбнулся и подсунул мне под нос планшет. — Распишитесь!

— От кого? — я еле сдержала смех, стараясь не смотреть на край соседского забора.

— Анонимный воздыхатель, — пацан прищурился и по буквам прочитал имя отправителя. — Так и написано. Тут оплачено, чтобы я помог внести в дом. Нужно?

— Естественно, — толкнула дверь, а пока парень кряхтел и пыжился, доставляя красоту, я вынула из сумки купюру и вложила под зажим на планшете. — Спасибо вам большое.

— Щедрый ваш воздыхатель, — напоследок бросил довольный парнишка, шустро спрятавший денежку.

— Жаль, что анонимный...

К моему удивлению, в корзине была карточка, написанная от руки. Почерк ровный, мужской, размашистый. Такие лю-

ди, не дрогнув, убивают, уничтожают и стирают с лица земли. И не вчитайся я в смысл, решила бы, что это Петухов.

Но нет...

«Я очарован вашей красотой... И буду безмерно счастлив, если вы составите мне компанию на сегодняшнем благотворительном вечере. Заеду в семь, форма одежды – парадная...»

Вроде очарован, а распоряжения выдал четкие.

Прокрутилась среди корзин с цветами, чуть приглушая внутренний восторг, и отправилась собираться. Здесь мне было делать нечего... Холодильник пустой, по дому эхо гуляет.

Я не рассчитывала на долгую командировку. В чемодане запас белья, джинсы, пара нейтральных нарядов и ничего, в чем можно пойти на благотворительный вечер.

А Савин не глуп... Совсем не глуп.

Самый действенный способ подтвердить нашу связь – вывести меня в люди. Хочешь спрятать нечто ценное? Покажи его всем...

Я надела простой льняной сарафан с глубоким декольте и нескромным разрезом до бедра, собрала волосы на макушке, наложила румяна, блеск и, скрыв под брендовыми очками красные от бессонницы глаза, вышла из дома.

Ждала, что следом за мной бросится охрана Савина, но нет... Путь был чист, и только уже знакомый охранник на КПП приветливо помахал мне кепкой.

День сегодня был солнечный. Город будто очень старался развеять первое впечатление, отражая в стеклянных высотках яркие лучи. Центр тоже был довольно приятным. Гармоничное смешение старых ухоженных построек с точащими шпилями новостроек, зеркальные фасады ресторанов, бутиков, кишущая людьми набережная, буйство цветов и море зелени.

— Неплохо... — свернула с главного проспекта, теряясь в паутине узких улиц со старыми невысокими домиками. И вот тут меня ждал сюрприз... В ряду с историческими строениями распластались современные бутики.

Чуйка сама привела меня куда следует...

Отчего-то мне хотелось поразить Савина.

У меня был талант быстро искать подходящую одежду. Это как любовь с первого взгляда. В межчеловеческое проявление я не верю, но вот по отношению к тряпкам – вполне. Один взгляд, мгновенный выбор и легкий зуд в подушечках пальцев от нетерпения шикануть в красоте.

Эта любовь случилась и сейчас. Сногшибательный провокационный, но в то же время строгий костюм сверкал чёрными каменными пуговицами, будто подмигивая мне. Больше я ничего не смотрела. Вцепилась в вешалку, даже примерять не стала. Оплатила и с лёгким сердцем вышла на улицу.

Впорхнула на открытую террасу ресторанчика напротив.

— Добрый день, — услужливый официант поправил скатерть и положил передо мной меню. — Могу предложить

свежие круассаны, наши пекари в этом великолепны.

— Я обожаю круассаны, — знакомый голос лупанул по перепонкам, застав меня врасплох.

— Евгений Андреевич, — официант напрягся, вытянулся в струну, готовый отдать честь. — Вам как обычно?

— Да, Сергей, — Савин упал в кресло напротив, загораживая своей мощной фигурой яркое солнце.

И опять этот резкий взгляд. Глаза красивые, очерченные густыми черными ресницами, отчего серая дымка становилась ярче. Не смотрел, а прожигал... Полз медленно, от губ к подбородку, шее и стремительно нырнул в декольте...

И вот тут что-то изменилось. Его будто пробила молния. От макушки, пронеслась по широким плечам, заставив его грудную клетку ходить ходуном. На шее выступили вены, пульс подскочил, по коже растеклись красные пятна... Его глаза прилипли к моему шраму, тянущемуся вдоль ложбинки между грудей.

— Это чтобы я не расслаблялась? Каждый мой шаг под контролем? — я дружелюбно рассмеялась, опустила глаза, на всякий случай осмотревшись по сторонам.

— Не переживай, периметр чист, — Женя закурил и подвинул к себе пепельницу, с трудом оторвав взгляд от уродливой отметины, которую я долго училась носить, как дорогое кольцо. — Но ты молодец, что начеку. Утром у дома была некая активность. Завтра я познакомлю тебя со своим начальником охраны...

— Это который не додумался перекрыть вентокно дополнительной сеткой? — я снова захихикала совершенно по-идиотски, зато со стороны будет казаться, что я так глупо реагирую на ухаживания.

— Да... И, к твоему сведению, этот недочёт уже исправлен, — Женя вдруг тоже улыбнулся, широко, открыто, с небольшой усмешкой. — Но если хочешь зайти в гости, предлагаю воспользоваться парадным входом.

— Почему завтра?

— Потому что после благотворительного вечера я, как настоящий ловелас и известный герой-любовник, отвезу тебя к себе домой, — и вот тут от открытой улыбки не осталось и следа. Савин чуть дернулся, нависая над столом, и перешёл на шепот. — Ты же хочешь изучить документы? Ну и к тому же будь хорошей девочкой... Приказано отдаться — дерзай!

— Придурок ты, Савин...

Мы походили на двух идиотов. Кололи друг друга острыми фразами, при этом улыбаясь так мило и сдержанно.

— Но согласись – очаровательный придурок, — Женя вдруг вскинул руки, и шебутной официант затопал за моей спиной, а через мгновение на столе оказалась небольшая, но пышная корзина пионов. — А ещё я обходительный, внимательный и романтичный. Хлебом не корми, дай посорить деньгами на цветы, что уже увянут через два дня.

— Настоящие романтики не вываливают цветы в один день, а постоянно обновляют, чтобы понравиться девушке.

— Чтобы понравиться девушке, мужчине нужно покупать машины, квартиры и цацки. Киса, ты из какого столетия?

— Это не я из другого столетия... Это ты, Савин, дело имеешь с шлюхами, — я допила кофе и поднялась из-за стола. — А теперь я, как воспитанная дама, поспешу убежать от слишком назойливого ухажера. Кстати, распорядись, чтобы в мой дом доставили кофемашину и телевизор. Жуть как люблю засыпать под сериалы...

— Ох, Киса, непросто нам с тобой будет, — рыкнул Савин и поднялся следом.

— Сердце в хлам, Савин... Сердце в хлам!

— Это угроза?

— Это обещание...

Глава 14

Я не волновалась, скорее предвкушала. Было искренне интересно, чем живёт этот город. А ещё я до сих пор не могла понять, что именно связывает Савина и Петухова.

Там что-то есть... Нутром чувствую. Не каждый решится взломать компьютер Петухова, а значит, мотивация у Савина должна быть железобетонная. Ну, или яйца стальные, хотя таких я ещё не встречала.

Собралась я вовремя, поэтому стук в дверь меня врасплах не застал. В последний раз осмотрела себя в зеркало. Назло всему миру проигнорировала шёлковую майку, оставшись в тонком бюстгальтере. Смуглая кожа красиво бликовала между полуматовых лацканов пиджака, игриво скользя по полушариям груди.

— Красотка, — шепнула своему отражению и открыла дверь.

На пороге стоял Савин, в его руках очередной букет цветов, но на этот раз это была стеклянная ваза с чёрными орхидеями. Их было так много, высокие стебли были опутаны шелковыми лентами, колыхались на сквозняке, позванивая хрустальными бусинками. Это выглядело завораживающе.

— Пионы закончились в городе? — я еле оторвала взгляд от одной красоты, как наткнулась на другую...

Брутальную, грубую, пульсирующую. Энергетика Савина

напоминала бурление водопада. Он бывает тихим, сверкающим мелкой пылью, может создавать радугу, переливаться миллионом цветов, а может кипеть до белой пены и тумана в глазах.

Его настроение невозможно понять, ощутить, предугадать.

Он как шкатулка с сюрпризом. Коварный сектор Приз...

Это я должна была его поразить, но вместо этого сама пялюсь, как ненормальная.

Высокий, подтянутый, идеально сливающийся со строгим серым костюмом и чёрной шелковой сорочкой из матового шелка. Из нагрудного кармана вместо платка торчал галстук. Как признак небрежности, неважности этого элемента.

И я понимала почему...

Но стоило пересечься нашим взглядам, как мне стало тепло-тепло... Кровь забурила, вторя всплескам Савинского водопада.

Его взгляд полыхал... Он откровенно пялился, скользил по шее, вновь возвращаясь к моему шраму.

Я видела, как мужчины реагируют на женское уродство. Даже тонкий рубец, оставленный на красивом теле, навсегда сделает тебя ущербной. Не все могут побороть это чувство. Правда, для меня это превратилось в приятное развлечение: поморщится, не заметит, сделает вид, что не увидел? А вообще мужики — отвратительные актёры.

Но Савин смотрел иначе...

— Киса, великолепно выглядишь, — он махнул рукой, и вдруг из-за спины вышли охранники. В их руках были огромные коробки и бумажные пакеты. — Кофемашина, телевизор, набор продуктов. На свой страх и риск заказал вино, закуски, на случай если ты меня отошьёшь сегодня, но все же пригласишь на бокальчик.

— А ты, Савин, самонадеян, — подхватила клатч, куда уместилось все самое важное: документы и выключенный со вчерашнего дня телефон.

— Меня Евгений зовут, — он прищурился, оценивая, действительно ли я не знаю его имени или назло зову по фамилии.

— Савин, а мне фамилия твоя нравится. Ну и до тех пор, пока ты меня Кисой называешь, я буду обращаться к тебе по фамилии. Иначе ты не понимаешь. СА-ВИН, — широко улыбнулась, как только мы вышли на подъездную дорожку. — Пусть за домом присмотрят, ладно? Или ты сам сообразил?

— А ты и правда Киса. Девять жизней? — Савин распахнул для меня дверь своего шикарного мерина.

По пути мы почти не разговаривали. Так, перебросились парой острых фраз, остальное время Савин пялился в свой телефон. Я лишь изредка ловила его любопытный взгляд, но назло не реагировала.

— Ого, — я присвистнула, чем сильно удивила Савина. — Размах столичный...

— О... Это исключение. Обычно мы сидим при свечах, вызываем Пиковую даму и играем в лапту, — он расхохотался и первым вышел из машины.

Я не торопилась, успела обновить на губах блеск, прошла по волосам, а когда открылась дверь, я вложила руку в большую крепкую мужскую ладонь.

— Киса, ты умеешь улыбаться? Хочется хоть раз услышать твой смех, — шепнул Женя, притягивая меня к себе.

— Савин, если я начну тебе мило улыбаться, заливаться смущённым хохотом и заглядывать в глазки, знай — у меня инсульт!

Я чуть оттолкнулась, намекая, что нарушать дистанцию — плохая идея.

— Хоть бы Князев привёл свою докторшу, а то с инсультом шутки плохи... Идём, мужики уже приехали, — Женя указал на кортеж подъехавших джипов.

— А вы всегда с охраной? Чего боитесь?

— Пиковой дамы, говорил же! — Савин обнял меня за талию, забыв спросить разрешения, но ударить его по яйцам я не успела, потому как в нашу сторону двигались Князев, Лютаев и крошечная блондинка.

— Э... Гоблины! Я же сказал, без ба... Без женщин не приходите! — Лютаев обернулся, а сам приобнял за плечи свою спутницу, чтобы отсечь все вопросы.

Хм... Жена?

Я зацепилась взглядом на девушке. Красивая... Тонкая,

хрупкая, почти хрустальная. Взгляд такой грустный-грустный, словно по пути они сбили собаку.

Таких берут в жены, чтобы на их фоне выглядеть брутальнее, жестче. Но Лютаеву это было не нужно, видела я его и без спутницы. Чего-чего, а брутальности в нём с лихвой. Но глядя на то, как он трогательно придерживает ее за талию, с какой неприкрытой нежностью смотрит на неё – стало ясно, что не просто так они вместе. Совсем не просто...

— Ну, не поймал, Лютый.... — Князев развел руками и громко рассмеялся. — Быстро бегают, засранки, а я уже старенький стал. Не серчай, Лютый. Савин зато за нас двоих справился...

Все взгляды обратились в мою сторону. Даже блондинка оторвала глаза от асфальта. Ещё Савин стоял, колыхался так довольно, даже гордо, что ли. За что и поплатился...

Рука у меня хоть и маленькая, но тяжелая. Зарядила ему по хребту, сразу расставив все точки над «і», чтобы понял – я не буду смотреть в пол, дабы не притенять его Величество.

— Кристина Александрова, — когда Савин отошел, я двинула к толпе, протянула руку, но не хохочущим мужикам, а блондинке. Сжала её пальцы, вздрогнув от передавшейся мне дрожи. — Надеюсь, ты не одна из фитоняшек? Услышу хоть слово про смузи из щавеля для очистки организма – придушу. Поверь, я это умею!

— Терпеть не могу смузи. Меня Юля зовут.

— Тогда я просто Кристина...

В сопровождении охраны мы проследовали к главному входу. Всё фойе гудело от голосов, слепящих вспышек камер, наигранного звонкого смеха.

Савин дал команду у толпы журналистов, ловко спрятав меня за своей широкой спиной.

На главной полосе журнала мне точно сверкать мордочкой не хочется.

После обязательного приветствия и передачи неприлично огромной суммы казначею благотворительного фонда, мы наконец-то отправились в основной зал.

Савин то и дело подталкивал меня в спину, словно хотел показать, что он тут хозяин, он дома, а я — залётная гостья. Вот только грубость его была какая-то странная... Он будто просто искал повод прикоснуться.

Игру затеял? Так я тоже знаю эти правила...

Назло этому придурку то ускорялась, оставляя его с протянутой рукой, то тормозила, ощущая, как его мощное тело впечатывается мне в спину. Тяжелые ладони в попытке поймать равновесие ложились на талию, впиваясь в тонкую ткань пальцами...

Мы заняли свои места вокруг шикарно накрытого круглого стола. Вокруг нас тут же зашушукались, гости даже не пытались скрыть любопытства. Вытягивали шеи, глазели, как на клоунов на арене.

— Идиоты, — прошипела я, припадая губами к холодному бокалу шампанского. — Город другой, а поведение все то

же... Какие у тебя дела с Петуховым?

— Никаких, — он пожал плечами, ничем не выдав лжи.

— Савин, мы же уже договорились, что я не идиотка? Никто не ввязывается в войну, не имея на то причин. Расскажи, — я обернулась, сжала его руку, заставляя обернуться. — Давай, Савин, мы же в одной упряжке.

— Ты сначала докажи, Киса, что можешь быть полезна. Знаешь этого дяденьку? — Савин вдруг подхватил меня за руку и, элегантно прокручивая, потянул в центр полупустого танцпола.

— Жень, что ты делаешь? — я от неожиданности стала задыхаться. Кровь вскипела, тревога ядовитой змеей потекла по венам.

Он тянул меня под прицелы взглядов! Вывел из полутени, нарочно тыкая мной в лицо каждому.

— Кристина, не отвлекайся, его знаешь? — Савин был тактичен, прижимать к себе не стал. Расстояние было приличным, ладонь лежала в безопасной области талии, даже не смея соскальзывать к заднице.

Его движения были уверенными, плавными, словно каждый выходной проводил на ретро-вечеринках. Женя не отводил глаз, смотрел прямо, уверенно.

— Ты про кого? — шепнула, продолжая улыбаться, как полная идиотка.

Савин уверенно прокрутился, а после с невероятной лёгкостью опрокинул меня, как в самых слезливых фильмах про

настоящих мужиков, красоту любви и прочую чушь, которой в настоящей жизни не случается.

Из дальнего угла, вышагнув из толпы, в нашу сторону двинулась компания импозантных мужчин. Я перестала дышать... Меня просто пробило молнией, когда заметила замыкающего этой компашки.

Петухов... Он шёл, как господин-повелитель. Притормаживал, чтобы обменяться рукопожатиями, а ему в ответ чуть ли не кланялись. Эдик сиял, смеялся, подходил чуть ли не к каждому столику, и всё повторялось.

Он меня не видел, а может, не подавал вида. И от этого ожидания становилось просто невыносимо.

Как бы я ни храбрилась, он действовал на меня как удав на кролика. Как бы я ни прорабатывала прошлое, сколько бы сессий с психотерапевтом ни провела, он навсегда останется источником моей боли.

— Сука... Ты что, специально? — я дернулась, инстинктивно желая скрыться, но тут Женя позволил себе лишнее...

Обе его руки легли на спину, скользя от лопаток к талии. Рывок, и я оказалась впечатанной в его мощную грудь.

— Важная ты, Киса, раз Петухов примчался сам, — Савин будто мысли мои прочитал, повернул меня спиной к Петухову, заставляя перевести взгляд на него.

— Я что для тебя — приманка? Ты специально притащил меня сюда?

— Мы сейчас посмотрим на его реакцию на тебя, а потом

я тебе всё расскажу, — Евгений вновь двинулся и, плавно покачивая меня в медленном танце, под мужской смех вернулся к нашему столу.

И как раз вовремя...

— Ба! Какие люди! — первым вышагнул мужчина, знакомый мне по досье, которое я торопливо собирала перед приездом. Отец Лютаева... Пётр, кажется. Мужчина был зол, стрелял в сына недовольными взглядами.

Но вот что примечательно... Ни Лютаев, ни Князев, не смотрели на него. Всё их внимание было приковано к Петухову.

Бинго! А значит, Эдик интересуется не только Савина. Общая у них цель... И как ни странно, меня это успокоило. Коллективная ненависть — сильный инструмент.

Знаком мне был лишь дядя Петя, но сейчас его лицо потеряло привычную доброжелательность. Серым было, безликим...

— Пей, — шепнул Женя и вручил мне в руки бокал.

Я набралась смелости и подняла голову, ожидая наткнуться на взгляд Петухова. Но он будто не замечал меня... Он в упор смотрел на Лютаевых, его желваки вибрировали, вокруг глаз растеклись морщинки гнева.

— Добрый вечер, гости дорогие, — седовласый незнакомец, стоявший во главе группы, широко улыбался, по очереди протягивая руки Игорю, Никите и Жене. — Польщён... Весьма польщён.

— Дамы, знакомьтесь, — Никита почувствовал внимание Петухова и резким движением обнял свою жену. — Это Конопко Сергей Юрьевич, глава попечительского совета благотворительной организации «Живи». Какой шикарный праздник организовал, спонсоров столичных привлёк, да?

Конопко... Знала я этого старого пердуна. Под благими намереньями спрятано столько дерьма, что несет с другого конца страны.

— Да... Местные как-то не очень сговорчивы в части щедрости во благо сирых и... бедных, — Конопко гаденько рассмеялся и почему-то посмотрел на Юлю Лютаеву.

— А вот и тот самый щедрый гость столичный, — Никита будто тоже принял этот укол на свою шкуру, отчего хват его рук на талии жены стал крепче. — Петухов Эдуард. Глава строительной корпорации «Штиль». Кстати, Юль, это с ним уже два года идёт судебная тяжба.

А вот и ещё один кусок пазла. О каких судебных тяжбах идёт речь? Я обернулась к Савину, но тот даже вида не подал. Лениво ползал взглядом по гостям, продолжая сжимать под столом мою руку. И от этого жеста становилось легче.... Чем чаще лупил мой пульс, тем больше он применял силу.

— Эдуард Сергеевич, очевидно, переживает не самый простой период жизни, раз решил покрыть убытки за счет смерти бывшего друга? — Лютаев хохотнул, смело смотря на Петухова, будто вызов ему бросал.

— Не могу сказать, что мне приятно, — вежливо улыбну-

лась Юля и почему-то обернулась ко мне, будто извинялась за всю эту ситуацию. Наивная девчонка... Это ей стыдно?

— Никита! Не думаешь, что это не самое подходящее место для выяснения отношений? — Лютаев старший вспыхнул и стал дергать ногой. Тело требовало сбегать, но разум напоминал, кто здесь настоящий хозяин.

И, видимо, это был Эдуард.

— А у нас с Петуховым нет отношений. А у вас? — Никита взмахнул бокалом и сделал жадный глоток. — Я просто к чему... Эдуард Сергеевич, до этого дня я не влезал в это дело, считая, что отец и сам может решить вопрос со своими компаньонами, но, очевидно, вмешаться все же придется. Официально уведомляю вас, что завтра текущий адвокат получит отвод, а новому нужно три дня, чтобы разобрать то, что вы разыгрывали два года.

И тут повисла тяжелая тишина. Никто не издал ни звука, внимательно отслеживая реакцию компании. Лютаев пошатнулся, Конопко опустил голову, и лишь Петухов улыбался. Но только я знала, что означает эта улыбка... Это объявление войны.

— Никита, можно тебя на пару слов? — Лютаев старший махнул рукой, а Никита подорвался, словно только этого и ждал.

— Ваха, будь добр, последи за дамами! — первым поднялся Князев, за ним Савин, а в следующий момент за нашими спинами вырос громила, его бандитскую наружность не

мог скрасить даже идеально сшитый костюм. Я машинально схватилась за столовый нож, но Савин наклонился ко мне.

— Киса, ты отлично держалась. Сиди тихо, я вернусь...

— Повезло же тебе со свёкром. Пряма душка, — я быстро пересела к Юле, прячась за здоровяком от любопытных взглядов. — И часто вы посещаете столь приятные мероприятия?

— Слава Богу, что нет, — Юлька крутила головой, пытаюсь понять, куда исчезли мужчины.

Я осушила бокал залпом, внезапно ощутив уголёк, что распался на моём затылке. Машинально обернулась, наткнувшись на взгляд Петухова.

Он стоял каменным изваянием в густом облаке белого тумана. Коротко кивнул, указывая на полупустую террасу.

— Юль, я на минутку, — шепнула и медленно поднялась.

Прятаться было бессмысленно... Прошла вдоль столиков, свернула за живую изгородь, заходя на террасу с улицы.

Петухов стоял у широкой лестницы, подпирая каменную колонну, и цедил свою гребаную трубку, распространяя облака кислого дыма.

— Привет, Киса, — прохрипел он, медленно поднимая на меня глаза. — Что с телефоном?

— Забыла включить, — я пожала плечами, преодолевая последние ступени. И как только туфелька ступила на последнюю, Эдик вскинул руку, схватил меня за шею, буквально вталкивая в густоту живой изгороди.

Мягкие иголки елозили по коже, путались в волосах, но ему было все равно. Он вдавливал и вдавливал, делая нас незаметными для посторонних взглядов.

— Что с документами? — его пальцы вновь впились в шею, отчаянно шаря в поисках венки, что отбивала пульс.

Это был своего рода индикатор моей лжи. Он так делал всегда!

— Нет их в доме, — цедила через силу, пытаюсь взять себя в руки. Если проколюсь — не доживу до утра.

— А ты шустрая. Не перестаю удивляться... Женщина-загадка. Не успел я даже расстроиться из-за твоего провала, как мне докладывают, что Киса моя уже обедает в компании Савина. Цветочки принимает, улыбается, глазки строит. И как тебе, Кристина, удаётся очаровать любого мужика?

— Ты сам меня этому учил! — я захрипела, потому что воздуха почти не осталось. Он сдавил горло, будто в любой момент был готов переломить хребет.

Я вскинула руки, упёрлась ему в грудь и, приложив всю свою силу, оттолкнула.

— Хватит! Я что тебе — кукла для битья? — я задыхалась, к горлу подкатывали рвотные спазмы, вдохи давались с трудом, слизистая отекала. Из глаз брызнули слезы, я согнулась пополам и выскочила из этого укрытия, спускаясь по гладкой колонне на землю. — Что ты злишься? Ревнуешь? Так ты сам этого хотел... Я могу вернуться домой в любую минуту!

— А нет у тебя больше дома, Киса, — Петухов нагнулся, схватил меня за волосы и поднял, упиваясь беззвучным скулежом боли. — Ни квартиры, ни машинок любимых. Я всё забрал... И не вздумай меня обмануть, я раздавлю тебя. А мне этого очень не хочется...

Сухие мягкие губы опустились на мою шею, горячий язык заскользил по коже, оставляя тошнотворный след слюны.

— Ты же моя любимая Киса. Столько пользы мне принесла, жаль будет с тобой расставаться... Кстати, задание усложняется. Ты мне принесешь не только мои документы, но и то, что поможет избавиться от этой троицы раз и навсегда. Кисуль, давай... Живее шевели лапками. — Петухов рассмеялся и вдруг оттолкнул меня, роняя на пыльный гравий, будто хотел указать место. — Надоели они мне. Вечно под ногами путаются.

Не смотрела на него... Еле сдерживалась, чтобы не заорать, как же я его ненавижу!

Руками шарила по шее, стирая вонь его касаний. Хотелось плевать от отвращения к самой себе. Тёрла кожу до жжения, до боли...

— Вставай, Киса, — вдруг раздался тихий шепот.

Не открывала глаза, сдерживала слезы. Мне не нужно было видеть, чтобы понять — Савин следил за мной. Всё видел... И моё унижение, и то, как на меня действует Петухов.

Меня подняли, а после по шее потекла жидкость, ударяя в нос терпкими парами алкоголя. Савин растирал по моей

шее коньяк, дезинфицируя место, ноющее открытой раной.
— Мы его уничтожим... Я слово даю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.